

ТАНЯ АКЕНТЬЕВА

ХОЗЯЙКА
ЗАМКА
МОТТ-ЭНД-БЕЙЛИ

Таня Акентьева

Хозяйка замка Мотт - энд - Бейли

«Литнет»

2024

Акентьева Т.

Хозяйка замка Мотт - энд - Бейли / Т. Акентьева — «Литнет»,
2024

В свои тридцать пять я мечтала лишь об одном - познать вкус материнства. И даже приговор врачей о бесплодии не смог заставить опустить меня руки. Третья подсадка эко, три недели мучительного ожидания и, наконец, долгожданные признаки того, что я в положении... Глупо, но в самый счастливый день своей жизни я погибаю. Но кто бы мог подумать, что высшие силы решат сжалиться надо мной. Моя душа перенеслась в тело молодой баронессы, умершей сразу же после рождения дочери. Узнав, что отныне я мама, я была на седьмом небе от счастья. Но счастье было недолгим. Как оказалось, баронесса не купается в роскоши. Скорее наоборот: она находится под гнётом мужа-садиста и живёт в полуразвалившемся замке.

© Акентьева Т., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Наше время...	7
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	35
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	45
Глава 17	48
Глава 18	51
Глава 19	54
Глава 20	56
Глава 21	58
Глава 22	60
Глава 23	62
Глава 24	65
Глава 25	68
Глава 26	70
Глава 27	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пролог

Замок Мотт - энд - Бейли

В комнате стоял полумрак.

И даже те несколько дюжин свечей, хаотично расставленных по периметру помещения, не давали нужного освещения.

От зловещих раскатов грома сотрясались и дребезжали окна, а слепящие молнии пронзали комнату насквозь.

Напротив окна застыла женщина с перекошенным от страха лицом.

— Господи! — С мольбой прошептала она и осенила себя крестом. — Прошу, только убереги!

Но словно в насмешку её мольбам, яркая вспышка разрезала ночной небосвод. Мощным порывом ветра распахнуло окно.

Этот нещадный порыв и леденящие капли дождя заставили женщину встрепенуться и взять себя в руки.

— Свечи! Зажгите все свечи! — Прокричала она, захлопывая окно и закрывая его на задвижку. — Ребёнок скоро пойдёт! Мне нужен свет... Много света!

Со стороны кровати послышался стон.

Повитуха в мгновение ока оказалась рядом с роженицей. Она сунула руки под простыню и стала мягкими, но уверенными движениями массировать живот женщины, помогая той как можно скорее избавиться от тяжкого бремени. Всё это время повитуха не сводила тревожного взгляда с искаженного мукой лица баронессы.

Повитуха принимала роды уже более двадцати лет, но таких долгих схваток и тяжких потуг, видеть ей ранее не доводилось.

Неожиданно роженица закричала. Очередная схватка заставила её выталкивать малыша на пределе собственных сил.

— Тужься! Милая, тужься! — Закричала повитуха, и с головой нырнула под простыню. — Ребёнок идёт! Ещё! Вот так! — Наставляла она роженицу. — Леди Катарина, вы сможете! Последняя потуга! — Через пару секунд повитуха поднялась, держа в руках кричащее чадо. — Поздравляю вас, госпожа! — С облегчением выдохнула она и передала ребёнка одной из служанок. — У вас родилась прекрасная дочь!

— Дочь? — Разочарованно и едва слышно переспросила баронесса.

Она устало приподняла голову, ища взглядом ребёнка.

— Да. Замечательная, здоровая девочка! — Ответила ей служанка, которая в этот момент обмывала малышку тёплым вином и осматривала её на отсутствие видимых глазных дефектов.

— Девочка... — баронесса обессиленно рухнула назад на подушки. — Генрих был прав. Я ни на что не способна. Даже наследника не смогла ему подарить... О Господи! — Её глаза заволокло пеленою слёз. — Он придёт в ярость, когда узнает. Он убьёт меня... Уж лучше бы я умерла при родах!

— Не говорите так. — Повитуха с осуждением покачала головой. — Ваш муж жесток, но не настолько. Когда он увидит малышку, его чёрствое сердце не выдержит и он всей душой полюбит её!

Леди Катарина в ответ промолчала. Она смотрела куда-то перед собой, а из уголков её глаз скатывались крупные капельки слёз.

Требовательный крик малышки раздался из колыбели.

Но вместо того, чтобы истребовать ребёнка к себе баронесса закрыла глаза, словно не желая слушать его.

Повитуха с жалостью бросила взгляд на ребёнка, но повлиять на свою госпожу не могла. По договору она должна была принять роды, проследить чтобы роженица благополучно избавилась от места ребёнка, а затем главное - получить за свою работу пару монет и как можно быстрее покинуть пределы замка.

Вновь занырнув под простыню, повитуха внезапно испуганно вскрикнула и стала с остервенением мять живот баронессы, пытаясь остановить обильно текущую кровь.

Но было поздно... Высшие силы вняли мольбам измученной матери. Они решили дать ей покой, о котором та так мечтала.

Поняв, что баронессе уже не помочь, повитуха выпрямилась, поправила простыню и отступив от кровати, устало вытерла кровь о передник. Она скорбно смотрела, как сознание баронессы уплывает во тьму. И вскоре, лицо роженицы умиротворённо расслабилось.

В комнате повисла мрачная тишина, прерываемая лишь раскатами грома и криком младенца.

Малышка была ещё слишком мала, чтобы понять почему её до сих пор не приложили груди.

Почему она - невинная душа стала вдруг никому не нужна.

Она не понимала, почему больше не слышно родного, нежного голоса, который пел ей колыбельные, когда она была ещё в животе.

Ребёнок продолжал истошно кричать, требовать маму.

И её зов был услышан богами.

Наше время...

Наше время...

— Катёёён! — Умоляюще тянет Лёнька из кухни. — Может, всё же никуда не пойдёшь?

— Нет, Лёнь! Не могу я так! — Я торопливо сбрасываю домашние тапки и заскакиваю в полусапожки. — Ты же знаешь меня. Если я сейчас не схожу, то ночь без сна будет мне обеспечена! — Застёгиваю молнию на куртке и угрожающе добавляю. — - И тебе в том числе!

— Знаю... — обречённо вздыхает супруг. — Ты только будь осторожна. На улице невеста что творится. А по новостям и вовсе передали штормовое предупреждение.

— Брось, Лёнь! Всё со мной будет нормально! — Твёрдо произношу я, а саму всю трясёт от волнения. — Машина стоит в паре шагов от подъезда. И до аптеки всего то пару кварталов. - этими словами я успокаиваю больше себя, чем его. — Так что я мигом! Лучше подай мне ключи!

В проходе появляется Лёнька в одних трусах. В одной руке он держит чашку с обожаемым им капучино, а другой сжимает ключи.

— Катюх! В самом деле, может, останешься? — Он делает очередную попытку остановить меня и соблазнительно улыбается. — Я знаю более приятное занятие, которое поможет скоротать нам эту бессонную ночь.

Где-то на подсознании понимаю, что, возможно, он прав и мне действительно лучше остаться дома, но тут же отгоняю эту трусливую мысль, успокаивая себя тем, что отлучусь всего на часок.

— Вот даже не уговаривай! — Хватаю ключи, вставляю в замочную скважину и вылетаю на лестничную площадку. — Люблю тебя! - Громко кричу напоследок и плевать, что услышат соседи.

Закрываю дверь и стремительно бегу вниз по лестнице. Где-то на втором пролёте застываю на месте. Сердце от бега стучит часто-часто. Дыхание сбилось.

В голове что-то щёлкает. А если и вправду беременна? Тааак... Никаких если! Все признаки на лицо: дикая усталость, тошнота по утрам. Точно беременна!

От одной только мысли, что скоро я стану мамой, улыбка непроизвольно растягивается до ушей.

Только подумать столько безуспешных попыток зачать ребёнка естественным способом... Две неудачных подсадки ЭКО. Столько боли и разочарования... Но я не сломалась. Настояла на третьей подсадке. И вот, спустя три недели, я ощутила, что что-то происходит с моим организмом.

Только встала, уже устала.

Именно так я могла сейчас сказать про себя. Всё время хотелось спать. А ещё эта изнуряющая тошнота...

Точно беременна!

Счастье-то какое! Неимоверное. Безграничное. Долгожданное...

А я тут распрыгалась, как дикая козочка! Непорядок. Я громко прицокнула языком, покачала головой и бережно, словно от этого зависела вся моя жизнь, стала спускаться по лестнице.

В нерешительности остановилась возле входной металлической двери, за которой, судя по грохоту летающих мусорных бачков, бушевал нешуточный ураган.

Стоило представить, что ждёт меня там, как выходить под промозглый дождь, сразу же расхотелось.

А может, ну его? Какнибудь дотерплю до завтра... Да и простывать мне нельзя.

Что там говорил Лёнька? Знает, как скоротать эту ночь? Что ж... Проверим.

Я уже почти повернула назад, как неожиданно услышала детский плач.
Застыла на месте. Прислушалась.

И вправду, с улицы раздавался истошный крик маленького ребёнка. А возможно, даже младенца.

Это что же за ироды в такую погоду гуляют? Да ещё и с ребёнком? А может потеряшка? Или алкаши какие забыли? Тогда ему нужна помощь!

Забыв про непогоду, я рванула к дверям. С трудом, но мне всё же удалось её приоткрыть. Протиснувшись в образовавшуюся щель, я едва сдержалась, чтобы трусливо не заскочить обратно в подъезд.

Раскаты грома оглушают, а яркие вспышки молнии лишают способности видеть. С трудом дыша, я вцепляюсь за поручень и, сфокусировав взгляд, пытаюсь увидеть плачущего малыша.

У подъезда никого нет.

Ни свёртка. Ни коляски. Ни самого ребёнка.

Но я же отчётливо слышу его!

Пронзительный плач разрывает сердце.

"Не плачь малыш" — шепчу я. — "Тётя найдёт тебя! Найдёт и поможет. А потом найдёт твоих маму и папу, и отвесит им знатных люлей!".

Из-за страха, что ветер сшибёт меня с ног, как только разожму пальцы, я продолжаю крепко держаться за поручень. Медленно перебирая руками, аккуратно двигаюсь в том направлении, откуда, как мне кажется, слышится плач малыша. Но какого же было моё разочарование, когда поручень неожиданно кончился, а вместе с ним и ступеньки.

"Но меня же сметёт, как только разожму пальцы!" — с ужасом думаю я, провожая взглядом, пролетающий мимо мусорный бак.

Мысли в панике мечутся. Как действовать дальше? Отпустить? Страшно. Повернуть назад? Нельзя.

К тому же крик младенца усиливается.

Взгляд цепляется за скамейку, стоящую в паре шагов от крыльца.

Главное добежать!

Делаю рывок к ней. Но ветер толкает обратно.

И в этот момент над головой раздаётся ужасающий грохот и скрежет металла. Машинально поднимаю голову вверх и вижу, как с крыши на меня падает что-то большое. Пытаюсь отбежать в сторону, но куда там. Встречный порыв ветра опрокидывает меня. Возвращает ровно на то место, откуда я пыталась сбежать.

Инстинктивно закрываю голову руками и молю Бога лишь об одном: Я ХОЧУ ЖИТЬ! Хочу узнать, каково это — быть матерью!

Затем резкая боль и темнота накрывает меня.

Глава 1

Прихожу в себя и чувствую, как волна боли накрывает меня с головой.

Болит всё. Даже то, что априори не может болеть.

Закусываю губу, чтобы не закричать.

Хорошо же меня приложило... Как я вообще осталась жива?

Последнее, что помню, как сверху на меня падает что-то огромное с металлическим скрежетом. Скорее всего, ветром сорвало часть крыши и она благополучно приземлилась прямо на меня.

Хорошо хоть на смерть не раздавила!

Боже! Почему всё так болит? Неужели в больницах стали экономить на обезболивающих?

Как там говорил Лёнька, когда приходил с тренировки... Всё тело болит, словно его пере-ехал каток.

Ну так вот... Судя по боли, меня переехал огромный бульдозер, нагруженный сотней катков.

И почему в больнице стоит такая оглушающая тишина? Не слышно криков медперсонала, ругани и стонов больных... Аппараты молчат... Вообще ничего... Полная тишина!

С трудом поднимаю руку и обследую голову. Мда... Затылок украшает огромный шишак. Хотя, чему я удивляюсь? Ещё легко отделалась. Могло быть и хуже.

Причина головной боли понятна, но откуда этот ноющий комочек незнакомой боли внизу живота?

Не берусь утверждать, так как самой мне это ещё только предстоит испытать, но всё же, ощущения такие... такие... словно я пару часов назад родила!

О Боги, ребёнок! Я кладу руки на низ живота и распахиваю глаза.

Стоит мне это сделать, как в голову врываются звуки внешнего мира: завывание ветра, раскаты грома, женский рыдания, всхлипы и ещё много чего.

Но самое главное, я вновь слышу плач малыша! Ребёнок просто разывается от крика.

Отчего он так плачет? Почему никто не успокоит его?

Пытаюсь рассмотреть окружающую меня обстановку. Безрезультатно. Перед глазами плывёт, тела людей гнутся, а я, кажется, теряю реальность. Крепко-крепко зажмуриваюсь. Считаю до трёх, затем медленно, никуда не спеша, вновь открываю глаза.

Перед кроватью стоит женщина с вытянутым от удивления лицом. Её испуганный взгляд обращён на меня. Она что-то шепчет и безостановочно осеняет себя крестом. Блажееенная... Тяну про себя.

Перевожу взгляд с лица женщины вниз, надеясь увидеть медицинский халат.

Но, вместо этого, взгляд утыкается в когда-то белоснежный передник, который в данный момент напрочь испачкан кровью.

От увиденного страх парализует, лишает способности адекватно оценивать происходящее.

Что это за место? То, что нахожусь не в больнице, я уже поняла. Тогда где я?

Осматриваюсь.

Первое, что бросается мне в глаза - это свечи. Много свечей. Именно они освещают пространство.

Это пугает... Но меньше, чем тёмные мрачные стены. Никаких тебе новомодных обоев, вокруг один сплошной камень. Сырой. Грязный.

Подвал? Нет. На подвал это место мало походит.

Прохожусь взглядом по мебели. По правую сторону от себя вижу массивный деревянный шкаф с наглухо закрытыми створками, больших размеров сундук, низкую одноместную кровать и рядом с ней колыбель. На этом всё.

Из колыбели доносится душераздирающий плач ребёнка.

Стараясь не смотреть на окровавленное одеяние, огибаю взглядом женщину, всё ещё с неверием взирающую на меня. За её спиной вижу двух девушек. Они дружно всхлипывают и вытирают носы прямо рукавами собственных платьев.

Поворачиваю голову влево. Всё те же каменные стены, камин, грубый письменный стол и табурет возле него.

Неужели так выглядит загробная жизнь? Или... Нет! Этого просто не может быть! Я всегда смеялась, когда подруги взахлёб рассказывали о переселении душ, мечтали о принцах, драконах. Фантазировали, как им стоит себя вести, если после смерти они попадут в другой мир.

Я не верила в это всё! Отрицала!

Но моё неверие стало рушится на глазах. Исходя из того, что в этом месте нет электричества, кладка стен из обычного камня, мебель груба и практична... Я всё же умерла, а моя душа переместилась в средневековье?

Округлившимися от шока глазами, впиваюсь в лицо блаженной.

— Кто вы? — Мой голос едва слышно. И этот голос чужой.

— Жива! — Неожиданно громко кричит женщина. — Чудо - то какое! — Она вновь крестится, — леди Катарина, ну и напугали вы нас!

Катарина? Я — Катя...

Екатерина Орлова! Открываю рот, чтобы поправить её, но женщина внезапно бросается к изножью кровати, и ныряет под окровавленную простыню, под которой лежат мои ноги. Уверенными движениями мнёт мне живот, а затем ковыряется ниже.

От стыда щёки полыхают огнём, но оттолкнуть женщину сил не хватает.

Благо процесс осмотра длится недолго. Через пару минут женщина оставляет мою промежность в покое. Встаёт и звенящим от радости голосом, выдаёт:

— Действительно, чудо! Кровотечение остановилось!

— Кто вы? — Повторяю я, не понимая что происходит.

— Ну что вы, леди Катарина, неужто запамятовали? Я повитуха, Агнесска.

Повитуха? Значит я... вернее девушка, в теле которой я нахожусь, совсем недавно родила? А этот плач... плач моего малыша?

— Ребёнок, почему он так плачет?

— Ясно почему! — Женщина неодобрительно качает головой. — Мамка-то от него отказалась!

Отказалась? Эта девушка отказалась от собственного, только что рождённого малыша? Как вообще такое возможно?

Да я бы жизни не пожалела! Я бы всё отдала! Только бы стать мамой... А что мне мешает? Вот он, шанс, пусть и в другой жизни, но теперь мне есть кому посвятить новую жизнь. Я подарю этому малышу всю свою нежность, любовь, заботу. Ради него сверну горы. Перегрызу глотку любому.

— Дайте мне скорее ребёнка! — Вытягиваю руки вперёд и с ужасом их осматриваю.

Тонкие, словно тростиночки, блее мела, с хорошо заметными голубоватыми прожилками вен, были все в синяках: фиолетовые - свежие, с желта - начинающие заживать. Откуда взялись фиолетовые я представляла, а вот старые синяки... Неужели девушку избивали? Но кто на такое решится? Даже самый последний, моральный урод не посмеет поднять руку на беременную женщину! Значит тот, кто издевался над моим телом, хуже чудовища?

Хочу расспросить об этом Агнесску. Поднимаю голову и тут же обо всём забываю.

Повитуха стоит рядом с кроватью и протягивает мне малыша.

Глава 2

Вкладывает мне в руки ребёнка, но не убирает свои. Поддерживает его, страхует, пока я не прижимаю кроху к груди. И только тогда отступает.

Стоит мне прижать ребёнка к себе, как он замолкает, а я забываю про боль.

Рассматриваю его, стараюсь запомнить каждую чёрточку, каждый штришок лица малыша.

У меня на руках красное, сморщенное существо с огромной головой и мутноватыми глазами, но я вижу другое: этот младенец самый прекрасный ребёнок на свете.

Склоняю голову к волосам крохе и с наслаждением вдыхаю. Меня переполняет восторг, нежность, любовь. Понимаю, что уже не смогу без него. Мой. Только мой. Не отдам никому.

Малыш хмурится и жалобно кривит губы.

— Тише, тише малыш. — Шепчу я, покачивая его на руках. — Какой он красивый.

— Красивая. — Поправляет меня повитуха, но я едва слышу её.

— Что? — машинально переспрашиваю.

— Я говорю, красивая. — Слегка повышенным тоном повторяет Агнесска. — У вас родилась прекрасная дочь.

— Дочь... — я улыбаюсь и бережно провожу кончиком пальца по щеке крохи, — это же замечательно!

— Леди Катарина? — Обеспокоенно зовёт повитуха, и мне приходится оторваться от любования дочерью. — С вами всё хорошо?

— Всё просто волшебное. — Отвечаю я и улыбаюсь. Ощущаю себя на седьмом небе от счастья, но что-то в голосе повитухи меня настораживает, и я добавляю: — Почему вы спрашиваете?

— Пару часов назад вы были ужасно расстроены, когда узнали, что не смогли подарить мужу наследника. — Агнесска хмурится и сурово поджимает губы. — Вы практически отказались от дочери. Говорили о смерти. А теперь вы безмерно рады, что родили дочь. Ваше поведение пугает меня. Неужели горячка?

Повитуха стремительно приближается, ощупывает мой лоб, затем качает головой и отступает назад.

— Горячки нет... — задумчиво протягивает она и продолжает исследовать моё лицо подозрительным взглядом.

Я понимаю, что нужно как-то объяснить своё поведение. Рассказать правду нельзя. Известно как относятся в этом мире к переселению душ. В средневековье верили в ведьм. Боялись их. Отлавливали, как бродячих собак. Вдруг и меня осудят за колдовство. Нет, говорить правду нельзя. Но что-то я должна сказать, чтобы успокоить Агнесску. Мысли мечутся в поисках выхода...

— Неужто проблемы с памятью? — Неожиданно, говорит повитуха, а я хватаюсь за её предположение, как утопающий за соломинку.

Это же то что нужно. Сделаю вид, что совсем ничего не помню. По мне, так логичное объяснение. Я всё таки пережила тяжёлые роды и едва не умерла... В конце концов, сошлюсь на послеродовую депрессию! Хотя... я даже не знаю в каком веке я оказалась. Повезёт, если в этом времени знакомы с таким диагнозом.

Но выхода нет. Лучшего я всё равно не придумала.

— А я ведь и вправду, ничего не помню. — Опасливо произношу и слышу, как из конца комнаты раздаётся испуганный вскрик. Смотрю на источник шума и вижу, что одна из девушек сконфуженно прикрывает пальцами рот, а в глазах её страх.

С трудом сглатываю образовавшийся ком в горле. Неужели сглупила? Сказала что-то не то? Или в этом времени потерю памяти воспринимают как серьёзное заболевание? Ну и пусть... Пусть уж лучше сочтут за умалишённую, чем сожгут на костре.

Но повитуха в очередной раз спасает меня. Она понимающе кивает головой и произносит:

— И такое бывает. Главное живы остались, а память непременно вернётся. — Повитуха отходит к столу, берёт кувшин и наливает стакан воды. — Честно сказать, я была уверена, что вы уже отошли в мир иной. - она грустно вздыхает и осеняет себя крестом, — зеркало-то не запотело, когда я поднесла его к вашим губам. А когда мы стали оплакивать вас, вы внезапно очнулись. Чудо! Произошло настоящее чудо! Господь всемогущ! — Повитуха вновь крестится, затем достаёт из полотняного мешочка флакон и добавляет из него пару капель в стакан, вода становится жёлтого цвета. — Выпейте это, — повитуха подносит стакан к моим губам и я послушно глотаю горькую жижу. — Отвар из гвоздики травянки поможет вам. Успокоит боль и прогонит любую заразу.

Когда стакан становится пуст, Агнесска удовлетворительно кивает и ставит его обратно на стол.

Малышка в этот момент начинает кукситься и похныкивать. Я успокаивающе поглаживаю её по спине.

— Голодная. — Бросает через плечо повитуха.

Её слова заставляют меня встрепенуться. И как я сама не догадалась? После родов прошло уже несколько часов, а новорожденную до сих пор не приложили к груди.

— Можно я её покормлю? — С надеждой спрашиваю повитуху, на что она удивлённо округляет глаза.

— Но леди Катарина! — В её голосе я слышу неодобрение, — не положенно госпоже самой вскармливать своё потомство. Кормилица должна скоро прийти. Она то и займётся этой работой. Я слышала, что барон не пожалел денег и нашёл для своего наследника здоровую женщину, у которой достаточно молока. — В этот момент Агнесска охает и прикрывает пальцами рот. — А родилась то наследница... — едва слышно добавляет она и с сочувствием смотрит на мою дочь.

Мне абсолютно не важно на что рассчитывал некий барон и я не обращаю никакого внимания на оговорку в словах повитухи. Больше всего меня поражает то, что мою дочь будет кормить какая-то неизвестная баба. Не позволю!

— Кормилица не нужна! — Практически кричу, - я сама в силах выкормить собственного ребёнка.

А в этом я уверена, так как грудь тянет от обилия молока.

— Но барон... — начинает Агнесска, но я перебиваю её.

— Плевать мне на барона и на любого, кто будет говорить мне, что делать! — Яростно произношу и ещё крепче прижимаю дочку к себе.

— Ох!

Раздаётся очередной синхронный вскрик со стороны девушек, а повитуха и вовсе хватается за грудь.

— Помогите мне! — В приказном тоне произношу, уверенная, что Агнесска не посмеет ослушаться, ведь она всё время называет меня госпожой. Значит, по всем канонам этого времени, она должна мне повиноваться!

Агнесска оправдывает мои ожидания. Она послушно подходит к кровати, но перед тем как помочь мне правильно приложить дочку к груди, напутственно произносит:

— Леди Катарина, я понимаю, что вы ничего не помните, но ваш супруг... Он... — повитуха мнётся, словно подбирая слова. — Он весьма суровый человек. — Наконец произносит

она, — он может не одобрить ваше поведение. Никогда, слышите, никогда не повышайте голоса при своём муже. Барон любит покорность. Иначе... Иначе он может выпороть вас.

Мне становится интересно, что же это за зверь то такой - "барон". Неужели мой муж... вернее муж девушки, тело которой я заняла, настолько жесток? Мда... Избивать собственную жену за непослушание! Да этот тип та ещё сволочь. Теперь понятно откуда у девушки синяки на руках. Получается, чтобы не быть побитой я должна постоянно молчать и покорно делать всё то, что он говорит? Патриархат какой-то... А как же равенство полов? Похоже придётся постараться, чтобы выжить в этом суровом мире.

— Молока и вправду достаточно! — Голос повитухи вырывает меня из размышлений.

Оказывается, пока я была погружена в себя, повитуха уже обследовала мою грудь и оказалась довольна увиденным. Она показала мне, как стоит грамотно держать и как правильно кормить дочь, чтобы той было комфортно дышать.

Дочка жадно присасывается к груди и с наслаждением причмокивает. Она жмурится от удовольствия и становится похожа на настоящего ангела.

Я с восторгом наблюдаю за ней. Внезапно понимаю: я до сих пор не дала имени дочке!

Не задумываясь, шепчу ей:

— Твоё имя София... Софа... Софочка...

Я настолько поглощена своей дочерью, что абсолютно не замечаю, что творится вокруг.

Не слышу, как повитуха вновь недовольно прицокивает. Не вижу, как она неодобрительно качает головой.

Откуда же я могла знать, что имя для первенца всегда выбирает барон.

Глава 3

Насытившись, София засыпает

— Дайте мне девочку. Я переложу её в колыбель.

Повитуха тянет руки в сторону дочки, но я инстинктивно дёргаюсь в сторону.

Агнесска смеётся, а я недоумённо хлопаю глазками, смотря на неё. Не понимаю, что же её так рассмешило.

— Вы как волчица. — Закончив смеяться, объясняет она. — Дикая, но готовая разорвать за своего малыша. Давайте. — Она вновь тянет руки, — ничего с вашей дочерью не случится.

С неохотой, но всё же отдаю Софочку повитухе. Агнесска перекладывает малышку в колыбель, затем поворачивается к одной из девушек и говорит:

— Жакотт, сходи, принеси ушат тёплой воды. Нужно обмыть госпожу. — Переводит взгляд на вторую, — а ты, Мари, сбегай на кухню. Пусть приготовят куриный бульон. Скажи поварихе, что леди Катарина желает откусать. Ей теперь нужны силы, чтобы поскорее встать на ноги.

Девушки послушно кивают и убегают.

— Вам нужно привести себя в подобающий вид. — Агнесска подходит ко мне, — в любую минуту может прийти ваш супруг.

Больше всего на свете я не хочу встречаться с бароном. Исходя из того, что мне довелось услышать ранее, этот человек крайне опасен. Неизвестно, как он отреагирует на новость, что вместо сына у него родилась дочь. Но разве мнение баронессы кого-то волнует?

Повитуха помогает мне присесть, затем убирает простынь с ног, и я вижу, что кровать подо мной, напроць пропитана кровью. Становится не по себе. При такой кровопотере шансов выжить у баронессы действительно не было. Кошусь в сторону повитухи. Она, всё таки, какой - никакой, но лекарь и должна понимать, что чудес не бывает и то, что их госпожа осталась жива - это происки высших сил.

Агнесска качает головой и вновь крестится.

— Кровищи то сколько! — Воскликает она, — но Господь милостив, сохранил вашу жизнь!

Меня начинает раздражать её набожность. Раз Господь так милостив к баронессе, почему она находится в таком плачевном состоянии? Почему позволил барону измываться над беременной девушкой? Почему не защитил?

Но вслух сказать этого не могу. Мне остаётся лишь печально вздыхать и податливо кивать на слова повитухи.

В какой - то момент понимаю, что жутко хочу в туалет. Сообщаю об этом Агнесске, на что она непонимающе округляет глаза. Приходится вспоминать как это место называли пару веков назад.

— В уборную! — Радостно вскриваю, когда наконец-то нахожу нужное слово.

И только тогда Агнесска с облегчением выдыхает, берёт за руку и помогает встать на ноги.

Как только ноги касаются пола, чувствую, что сейчас вновь упаду. Голова кружится, в глазах темнеет и ноги подкашиваются от болезненной слабости. Но повитуха не даёт мне упасть. Она перехватывает меня за талию и хватка её, не по-женски крепкая, заставляет меня стоять.

— Сейчас - сейчас. — Успокаивает меня Агнесска, — сейчас станет лучше. Постой. Не спеши. Дай телу привыкнуть, разогнать кровь.

Если эта кровь ещё есть в моём теле... Усмехаюсь про себя.

Но повитуха и в этот раз оказывается права. Вскоре, комната перестаёт кружиться, в глазах проясняются. Слабость ещё остаётся, но уже не такая сильная. Делаю шаг. Второй. Вроде бы получается.

Агнесска направляет меня. Ведёт к маленькой скрытой двери. Чтобы войти в уборную, мне приходится согнуться чуть-ли напололам. В помещение, куда мы вошли, темно, хоть глаз выколи. Запах затхлости и нечистот ударяет мне в нос и я с отвращением морщусь.

— Погодь, за свечой схожу, — бросает повитуха, прислоняет меня к холодной стене и покидает на пару секунд, затем возвращается. В её руках канделябр с тремя зажжёнными свечами. Свет от свечей позволяет мне осмотреться. Крохотная каморка без окон и какой либо мебели. Лишь посреди, стоит стул, похожий на трон, со встроенным ночным горшком.

О, Боги! Куда я попала? Хорошо хоть не лягнула про унитаз... Пришлось бы долго выкручиваться. Ведь здесь о таком и не слышали.

Но, похоже, Агнесску ничуть не смущает ни зловонный запах, ни вонючий горшок. Она спокойно подводит меня к этому стулу, поднимает крышку с горшка и чуть отступает. Выжидательно смотрит на меня.

Сказать, что я в шоке, ничего не сказать. Мало того, что мне до жути противно садиться на этот стул, так, похоже, повитуха не собирается меня оставлять. Справлять нужду прямо при ней? Увольте...

— Вы можете идти, — произношу я и смериваю Агнесску пристальным взглядом.

— Но... — Агнесска пытается возразить, но я перебиваю её.

— Идите! — Упрямо повторяю. — Оставьте свечи и уходите. Дальше я справлюсь сама. Женщина пожимает плечами, но уходит и закрывает за собой дверь.

Ещё раз осматриваю то место, что служит уборной. Взгляд останавливается на горшке.

Внутри меня противоречивые чувства. В любом другом случае я бы ни за что не села туда, но сейчас прям подпирает. Приходится наступить на своё эго и воспользоваться тем, что стоит передо мной.

Справив нужду, беру канделябр и держась за стену, медленно покидаю уборную.

Глава 4

Пока меня не было, повитуха уже перестелила постель. На полу, окровавленной горкой, лежат простыни, а рядом с ними валяется что-то похожее на клеёнку.

"Заботливые какие", — думаю я.

Подстелили, чтобы баронесса в родах не испачкала кровать.

В этот момент в комнату входит Жакотт, в её руках большой деревянный ушат, над которым поднимается пар. Девушка ставит его на стол, берёт чистую простынь и разрывает её на куски.

Агнесска одобрительно кивает, берёт один из кусков, смачивает в воде и терпеливо ждёт, пока я подойду.

— Жакотт,ними с госпожи ночную рубашку, — приказывает она, как только я приближаюсь.

В комнате сыро и холодно. И как только Жакотт стягивает с меня ночную рубашку, кожа моментально покрывается густыми мурашками. Я зябко ежусь от сквозняка. За окном до сих пор творится что-то невообразимое. Ветер безумствует, проникает в каждую щель кладки замка.

— Потерпите госпожа, — слышу успокаивающий голос Агнесски. — Сейчас смоем кровь и сможете лечь обратно в постель.

Пока повитуха и Жакотт обтирают меня смоченными в воде тёплыми тряпками, я, насколько это возможно, пытаюсь рассмотреть тело, в котором я оказалась.

Первое, что бросается в глаза — это жуткая худоба: тощие ноги, на бёдрах видны торчащие кости, осиная талия, и, несмотря на недавние роды, впалый живот.

Второе... Всё тело баронессы было в кровоподтёках. И пусть, что на ногах, животе и бедрах, синяков было не особенно много, но факт этих синих отметин, служил подтверждением того, что барон действительно избивал свою собственную жену.

Даже не видя, не зная этого человека, я уже со страшной силой ненавижу этого монстра. Признаюсь, меня пугает скорая встреча с ним. Но, не смотря на это, терпеть новые издевательства, сносить побои от своего ненаглядного мужа, я не намерена. Я должна буду показать ему, что больше его не боюсь. Хотя бы ради Софии. Иначе, повторю судьбу баронессы и моя новая жизнь так же печально закончится.

Единственное, что радует меня - это налитая, высокая грудь и длинные, густые волосы, насыщенного цвета каштанов.

Жалко лица своего разглядеть не представлялось возможным. В комнате не было ни единого зеркала. Внезапно, я вспоминаю, что повитуха упоминала про какое-то зеркало.

— Агнесска? — Зову её.

— Да, госпожа? — повитуха отвлекается от работы и выпрямляется.

— Ты говорила про зеркало. Можешь дать мне его?

— Отчего же не дать. — Агнесска откладывает тряпку и начинает копать в своём тряпичном мешке.

Я с удовольствием отмечаю, что повитуху больше не настораживают мои странные просьбы. Она свыклась с мыслью, что я ничего не помню, а от этого веду себя не так как всегда. Значит и другие вскоре привыкнут.

Через минуту я уже держу в руках осколок от зеркала и с нескрываемым любопытством разглядываю лицо баронессы. Что ж увиденное не впечатляет, но всё же уродиной я не была. Правильной формы лицо, тонкие с изломом брови, усталые, но выразительные карие глаза, аккуратный прямой нос и чётко очерченные пухлые губы. Вполне себе ничего. Вот если бы

добавить блеска в глаза, немного припудрить мертвецки бледные щёки и слегка придать яркости синюшим губам — была бы точно красotka.

А может, до встречи с бароном девушка была очень красива, но после женитьбы её красота стала никому не нужна? Получается, что жизнь, рядом с чудовищем, жестоко сломала её?

Интересно, кто я? Откуда родом и почему выбор барона пал именно на меня?

— Агнесска? — Вновь зову я повитуху, желая как можно скорее расспросить девушку о своём прошлом.

— Слушаю вас, леди Катарина.

— Расскажи мне всё, что ты знаешь о прошлом баронессы.

Повитуха тяжело вздыхает и бросает тряпку в ушат.

— Достаточно. — Агнесска хлопает рукой по плечу Жокетт, останавливая её. — Госпожа чиста. Сходи, вылей воду.

Служанка покорно кивает, собирает грязные простыни с полу, зажимает их у себя под рукой, а другой, свободной рукой, берёт ушат, упирает его себе в бедро и аккуратно, стараясь не расплескать грязную воду, идёт к выходу.

Агнесска словно ждёт, пока служанка уйдёт. Она неспеша доходит до сундука, достаёт из него чистую ночную рубашку, затем возвращается и надевает её на меня. Всё это она продельывает молча, а я не тороплю её. Знаю, как соберётся с мыслями, расскажет.

— Ох, леди Катарина, — начинает говорить повитуха, как только за служанкой закрывается дверь. — Вот подумайте. А оно вам надо? Честно скажу, жизнь ваша была нелёгкой, - Агнесска поправляет подушки, помогает мне лечь в кровать, а затем продолжает: — наполненная горечью, слезами и разочарованиями. Сейчас ваша память чиста. Вона как вы изменились. Словно прежней стали. Так зачем вспоминать всё то, что было до родов?

— Агнесска, прошу, мне очень нужно знать. — Схватив повитуху за руку, начинаю настаивать на своём. — Я совсем ничего не помню. Но я должна знать: кто я, откуда, зачем вышла замуж за барона и почему моё тело в таком ужасающем состоянии...

Агнесска награждает меня печальным взглядом и искренней жалостью произносит:

— Раз вы настаиваете, леди Катарина, то я расскажу. Надеюсь у нас ещё есть время на разговоры. А чтобы попусту не болтать, давайте расчешем вам волос. — Повитуха берёт со стола гребень, садится на краешек кровати и продолжает говорить. — Правда я не знаю всех подробностей вашей жизни, но то, что говорят за стенами замка, сейчас расскажу...

Глава 5

— Много лет утекло со времени вашего приезда в баронство. — Начинает говорить повитуха, а сама, между тем, бережно проводит гребнем по моим спутанным волосам, — Всего и не вспомнишь. Помню, как по зиме барон привёз в замок почти околевшую девку. Откуда? Никто точно не знает. Крестьяне строили разные версии: кто-то говорил, что барон нашёл вас, замерзающую, посреди хозяйских угодьев, иные утверждали, что вы младшая дочка разорившегося графа из поместья Бартлен, а некоторые и вовсе твердят, что вы аж из самого городу. Но это всё слухи. Они до сих пор гуляют между крестьян.

— А барон? Что говорил барон? Ведь он должен был представить меня. Хотя бы слугам.

— А барону нет дела до пустой болтовни, — повитуха горько усмехается. — Он просто заявил, что женился и отныне вы их госпожа. В то время барон был просто очарован вами. Глаза его горели, и он во всём старался угодить вам.

Очарован он был. Как же! С трудом верится в это...

— Какой я была? — От любопытства я двигаюсь немного вперёд.

— Красаавицей, — с улыбкой тянет Агнесска. — Я была в замке, когда вас привезли. Принимала роды у одной из служанок. Я в числе первых увидела вас. В замок вошла молодая, пышущая здоровьем круглолицая дева с густой гривой волос. Ваш взгляд сиял, а ну губах играла лёгкая полуулыбка...

"Ида... На замерзающую мало похожа". Но, выходит, я всё же была права, когда думала, что женитьба с бароном кардинально изменила меня.

Но, если верить словам повитухи, я была очень красивой, здоровой, молодой, а барон был влюблён в меня. Так почему же он так переменялся? Почему возненавидел свою жену?

— Агнесска, вот ты говоришь, что у барона горели глаза при виде своей жены. А синяки? Неужели я сама себе их нанесла?

— Не тараторь! — Агнесска хмурится. — Сейчас и до этого дойдём. Ну так вот... — женщина замолкает на пару секунд, собирается с мыслями, затем продолжает. — В первый год вашей совместной жизни барон души не чаял в жене. Пылинки сдувал. Но вскоре слуги заметили, что барон стал мрачнеть. Он больше не проводил время рядом с женой, только ночами исправно исполнял супружеский долг. Прошло ещё несколько зим. Барон и вовсе стал зол, как собака. Срывался на всех. В том числе и на баронессе. В замок стало приезжать бесчисленное количество лекарей. Они на долгое время, вместе с бароном и госпожой, запирались в господских покоях. А что они там делали и кого лечили, этого рассказать не могу. Знаю одно, после этих приездов баронесса стала сдавать. Взгляд её стал опечаленным, лицо осунулось и она стала худеть. Однажды, повариха сболтнула, что барон приказал ограничить супругу в еде.

— Ограничить в еде? — Снова не выдержав, с возмущением вскрикиваю. — Ему что, еды было жалко для собственной жены?

— Сначала я, как и ты, не понимала поведения барона, но вскоре всё выяснилось. В один из дней барон лично призвал меня. Расспрашивал по каким причинам женщина не может понести. Тогда - то всё стало по своим местам. Барон очень сильно хотел наследника, но прошло столько лет, а баронесса до сих пор не смогла понести. Барон бесновался. Кричал, что ему подсунули пустышку. Больную. Не способную даже родить. Но развестись он не мог, а бастарды ему не нужны. Тогда он стал вымещать всю свою злобу на баронессе. Начал жестоко избивать её, а на все мольбы девушки отвечал, что таких как она нужно воспитывать. Баронесса таяла на глазах. Из красивой, здоровой девушки, она превратилась в безмолвное существо. Она больше не имела права голоса и покорно сносила все издевательства.

— Вот же урод! — Говорю, не подумав, а когда приходит понимание, что прошлая баронесса никогда б так не выругалась, со страхом смотрю на повитуху.

Вижу, как Агнесска изумлённо округляет глаза и спешно, добавляю:

— Но ведь баронессе удалось понести! А судя по синяками барон всё равно продолжал её избивать. Почему?

Моя задумка, отвлечь Агнесску от необдуманного ругательства с моей стороны, проходит успешно. Лицо повитухи вновь приобретает привычное выражение, и я с облегчением выдыхаю и напоминаю себе, что впредь нужно следить за языком и держать эмоции под контролем.

— Почему продолжал избивать? — Задумчиво переспрашивает повитуха и глядит так, словно сквозь меня. — Возможно, привык? Разлюбил? Возненавидел за столько пустых прожитых лет? — Спрашивает она, скорее у самой себя, нежели у меня. А я понимаю, что больше ничего мне не расскажет и повитуха подтверждает мои догадки. — Не было меня в замке в то время. Уезжала я в город к сестре. Дочка у неё сильно болела, вот и пришлось задержаться. Целый год прожила там. А когда вернулась обратно, меня уже поджидали. Слуга барона приказал незамедлительно явиться в замок и сообщил, что у баронессы начались роды... Роды были тяжёлые. Очень. Двое суток мучилась госпожа, но вконец родила. Узнав, что вместо сына на свет появилась дочь, баронесса взмолилась о смерти. Боялась, что барон не простит. Зашибёт... — Агнесска смерила меня тяжёлым взглядом. - А я ведь действительно думала, что Господь прибрал бедную девушку. Оставил только что родившуюся девочку сиротинушкой. Взмолилась за вас! И всевышний услышал. Вернул вас к жизни. Да не старую, а обновлённую. Вон, как вы говорить стали. Как настоящая госпожа! Глаза горят. Видно, что жить хотите...

Глава 6

— Хочу, — качаю головой, словно болванчик. — Очень хочу! У меня теперь есть ради чего жить. Мне дочь нужно растить.

— Правильно мыслишь, — поддакивает повитуха. — Главное теперь — это сообщить барону о дочери. Вам, леди Катарина, придётся как-то пережить ту бурю, что последует после.

— Это верно... — вздыхаю.

Мысли испуганно мечутся. На душе тяжело. Даже не представляю, как буду противостоять гневу барона. Я ведь ещё двигаться то с трудом могу. Сумею ли дать отпор?

Слышу стук в дверь и испуганно вздрагиваю. Неужели барон? Хотя тут же понимаю, что он то уж точно не станет стучаться.

— Войдите, — произношу, а сердце всё равно трепещет от страха.

В комнату входит Мари. В её руках круглый деревянный поднос, на котором стоит жестяная четырёхугольная миска. За её спиной я вижу Жакотт.

Когда Мари подходит к кровати, повитуха встаёт и забирает поднос из рук девушки.

— А вот и бульон, — довольно произносит Агнесска и аккуратно ставит мне его на колени. — Поешьте, леди Катарина. Вам нужно восстановить силы.

Смотрю в бульон и едва сдерживаю себя, чтобы не швырнуть эту тарелку об стену.

Повариха расстаралась на славу. Сразу видно, "заботится" о своей госпоже.

Беру ложку и мешаю похлёбку. Куриным бульоном - это трудно назвать. В миске мутная жижа, в которой я с трудом нахожу едва заметные полупрозрачные ворсинки от мяса. Запах этого варева не внушает доверия, а порция и вовсе, как для котёнка.

В который раз утверждаюсь в скотском отношении барона к жене. На таких харчах не то что нельзя потолстеть, богу бы душу не отдать раньше времени.

В то же время, я понимаю, что повитуха права. Хочется мне того или нет, а есть нужно. Необходимо как можно скорее вернуть себе силы и встать на ноги. Не то... не то нам с малышкой Софией не сдобровать.

Стараюсь не дышать, пока спешно хлебаю "бульон". Жевать там нечего. Просто закидываю похлёбку в рот и глотаю. Спустя пару минут миска пуста, а я чувствую себя так, словно совершила немыслимый подвиг. Справилась.

Агнесска одобрительно кивает, забирает поднос и отдаёт его Мари. Девушка не уходит, она встаёт рядом с Жакотт и опускает глаза в пол. Но я то вижу, что они, обе, исподтишка с любопытством поглядывают на меня.

Придирчиво осматриваю их. Совсем молодые. Девчонки ещё, лет шестнадцати.

Мари — брюнетка. Неаккуратная. Отмечаю про себя, так как её платье местами заляпано грязью. Судя по всему, она чуть старше Жакотт.

Жакотт — блондинка. Симпатичная. Чистая и опрятная.

В голову приходит идея.

— Жакотт! — Зову я, а девушка подпрыгивает от неожиданности.

— Да, госпожа? — Едва слышно её.

— Подойди ко мне, — не прошу, приказываю.

Девушка послушно кивает и встаёт рядом с кроватью. Взгляд её обращён в пол.

— Ты давно работаешь в замке?

Девушка вновь кивает и продолжает упорно смотреть себе по ноги.

— Тогда ты должна знать обо всём, что происходило здесь ранее, — скорее утверждаю, чем спрашиваю. — Как ты уже поняла, из-за тяжёлых родов у меня возникли проблемы с памятью. Можешь мне рассказать, что происходило со мной, когда я была ещё в тягости?

Девушка на мгновение вскидывает свой испуганный взгляд, затем косится в сторону повитухи и Мари, и вновь утыкается взглядом в пол.

— Что же я расскажу... — начинает лепетать. — Не знаю ничего. Не видела. Я просто прислуга. Мне не велено следить за господами...

Не верю ей. Но понимаю, что дальше расспрашивать бесполезно. Она не станет говорить при других. Ладно. Взмахом руки, отпускаю девушку. Узнаю всё позже. Улучу момент, когда будем вдвоём, тогда и дожму её.

В этот момент со стороны коридора раздаётся шум торопливых шагов и слышится отборная брань.

Служанок словно ветром сдувает к самой дальней стене. Повитуха бледнеет.

— Господь с вами! — Она осеняет меня крестом и поспешно отходит.

Внутри меня всё сжимается. От понимания, что сейчас я увижу того, о ком была только наслышана, сердце готово выпрыгнуть из груди. Боюсь и за себя... и за Софию. Ведь ей, как и мне, предстоит первая встреча с бароном.

Глава 7

В следующую секунду дверь с грохотом, с треском распаивается. Она бьётся об стену и, жалобно скрипя, повисает на одной из петель.

В комнату входит мужчина преклонных лет.

Страшно ли мне? Очень... Но любопытство сильнее.

Приподнимаю голову и начинаю рассматривать того, от кого понесла баронесса.

Вижу перед собой невысокого, жилистого мужчину с седой головой.

В голове проносится слишком громкая мысль: А действительно ли баронесса была виновата, что так долго не могла зачать ребёнка от мужа. Он же почти старик!

Знаете ли... Года бегут, здоровье тает... С трудом подавляю усмешку и продолжаю смотреть на супруга.

Лицо барона красное от быстрой ходьбы, а грудь часто вздымается. Судя по всему, он очень спешил. Торопился взглянуть на наследника... Жаль, придётся разочаровать его.

Но, похоже, кто-то опередил меня. Барон уже зол: губы его плотно сжаты, а меж бровей пролегла глубокая сердитая складка.

— Где мой наследник? — Не обращая на меня никакого внимания, он начинает шарить глазами по комнате. Взгляд его замирает на колыбели. — Я надеюсь, ты родила мне здорового сына?

Молчу и продолжаю сверлить супруга глазами. Не хочу отвечать. Да и ответ ему не понравится. Жалею лишь об одном, что не успела взять Софию к себе. Мало ли...

Украдкой кошусь на колыбель и взглядом измеряю разделяющее нас расстояние. Вроде всего пару шагов, но, с такой слабостью, вряд ли успею.

— Вы что все, язык проглотили? — Нервно вскрикивает барон.

— У вас родилась прекрасная дочь, сэр, — робко сообщает ему повитуха и, словно её слова могут повлиять на барона, торопливо добавляет, — совершенно здоровая.

— Дооочь? — Не орёт, рычит барон и с ненавистью смотрит на меня. — Ты никчёмная! Бесплезная девка! Пустышка! — Его глаза наливаются кровью, словно у быка при виде красного полотна, — ты даже наследника мне родить не смогла! — Он отстегивает от пояса кнут, — жаль, раньше не убил...

Мужчина устрашающе замахивается, но я продолжаю с вызовом смотреть на него. Я просто не могу поверить, что это чудовище действительно ударит меня. Так не бывает! Мужчина, а тем более любящий муж, должен заботиться, оберегать... Но не бить. Даже дикие звери так себя не ведут!

Но, мой муж оказывается хуже дикого зверя.

Первый удар приходится по касательной, едва задев бедро. Несмотря на это, острая жгучая боль обжигает ногу и стрелой пронзает всё тело. Сдержав рвущийся крик, медленно поднимаю голову и с вызовом смотрю прямо в глаза барону. Я стараюсь вложить в этот взгляд всю свою ненависть. Показать ему, как сильно презираю его.

Лицо барона удивлённо вытягивается, затем его коробит от ярости и он вновь замахивается на меня.

Закрываю глаза. Тело, как натянутая тетива, напряженно в ожидании следующего удара.

Настойчиво твержу про себя:

Пусть... пусть бьёт. Стерплю. Пусть выплеснет весь свой гнев на меня. Главное, отвлечь его от Софии.

— Господь с вами, батюшка! — Слышу вопль повитухи и открываю глаза.

Агнесска висит на руке у барона и на даёт тому ударить меня. Глаза её испуганно зажмурены, плечи поджаты. Боится, но защищает.

— Уйди, ведьма! — Шипит барон и пытается стряхнуть с руки повитуху. — Выпорю! Заклеймю!

— Не берите грех на душу! — Продолжает истерически верещать Агнесска, но руку барона не отпускает. — Не дам бить! Плохая она! Помрёт!

Барон кривится, сплёвывает себе под ноги, а затем с силой отшвыривает от себя повитуху. Женщина отлетает и падает на сундук.

Слышу всхлипы, но оторвать взгляда и посмотреть, что с Агнесской, не в силах. Словно загипнотизированная продолжаю смотреть на барона.

Тот, к моему удивлению, пристёгивает кнут обратно, к поясу, и угрожающе выдаёт:

— Вернись утром, продолжим урок, — поворачивает голову в сторону повитухи, — а тебя, старая шавка, чтобы не было здесь!

Резко разворачивается и быстро уходит. Какое-то время я слышу его шаги, затем они затихают.

— Агнесска? — Зову повитуху. — Жива?

Женщина поднимается на ноги и подходит к кровати. Лицо её опухшее от слёз. Тело бьёт дрожь.

— Спасибо тебе, — тянусь и поглаживаю её по руке. — Но зачем? Зачем ты вмешалась? А если б зашиб?

— Ой, не ведаю госпожа, — всхлипывает Агнесска. — Словно кто-то в спину толкнул! Сама не поняла, как на руке у него оказалась! Страшно было до жути!

— Не плачь. Всё позади, — прошу её, а у самой слёзы накатывают.

Плакать нельзя! Не сейчас! Успею ещё, наревуся... Позже. Но не сейчас.

Беру себя в руки, нахожу глазами Жакотт.

— Жакотт! — Вижу, что девушка поднимает голову и смотрит в ответ, — проверь, как София!

Служанка поспешно подходит к колыбели и поправляет одеялко на Софи.

— Всё хорошо, — успокаивающе кивает. — Малышка всё ещё спит.

Умничка моя. Спокойная девочка. Спит.

Из головы не уходят слова барона: "вернись утром, продолжим..."

А если раньше вернётся? Смотрю на Агнесску и вспоминаю

А тебя, старая шавка, чтобы не было здесь...

— Агнесска, тебе лучше уйти, — прошу её. — Боюсь за тебя. Уходи прямо сейчас.

— Да как же я вас одну то оставляю? - повитуха качает головой. - С таким-то извергом!

— Брось, Агнесска! Я справлюсь! Столько лет справлялась... А ты уходи! — Приказываю, не терпящим возражения тоном.

Повитуха с неохотой отходит к столу и начинает искать что-то в своём полотняном мешке. Найдя, возвращается.

— Леди Катарина, возьмите, — она протягивает мне какую-то склянку с грязно-жёлтой мазью внутри.

— Что это?

— Это мазь. Синяки хорошо заживляет. Боюсь, что она вам ещё пригодится.

— Спасибо тебе, Агнесска, — принимаю флакон и засовываю его под подушку. — Спасибо за всё.

— Берегите себя и... Софию. — Повитуха вытирает слёзы ладонью, — и знайте, вы подобрали чудесное имя для своей дочери. И это ваше право, а не его.

Горло сдавливают тугим комом и я, не в силах вымолвить и слова, просто киваю.

Повитуха уходит. Но мне расслабляться нельзя. Ночь пролетит незаметно. А утром барон вернётся. За это короткое время я должна, как можно больше узнать о нём и найти способ, как остановить это чудовище.

— Мари? — Подзываю одну из служанок и указываю на дверь. — Ты на сегодня свободна. Жакотт побудет со мной.

Девушка кланяется и направляется к выходу.

— Мари? — Останавливаю её, — попроси кого-нибудь починить эту чёртову дверь!

Служанка кивает и убегает. Перевожу взгляд на Жакотт. Нужно любыми способами разговаривать эту особу. Уверена, ей есть что поведать своей госпоже.

Глава 8

Когда Мари уходит, комната погружается в тишину, разрываемую лишь раскатами грома, шумом дождя и завыванием ветра.

Я не спешу начать разговор. В упор смотрю на Жакотт. Обстановка в комнате напряжённая. Но мне этого мало. Хочу ещё больше её раскалить.

Девушка и так уже заметно волнуется. Служанка нервно теребит край фартука и смотрит куда угодно, но только не на меня. Взгляд её мечется из стороны в сторону и утыкается в пол, но проходит пару секунд и она вновь начинает обследовать комнату.

Когда вижу, что она начинает часто-часто моргать, понимаю - пора, иначе расплечется. Решаю не рубить в "лоб", а начать издалека.

— Откуда ты, Жакотт? — Громко произношу, а девушка вздрагивает, но через пару секунд берёт себя в руки.

— Из баронства, госпожа, — тихо отвечает она. — Местная я.

— Давно работаешь в замке?

— Так уж несколько лет, — вздыхает.

Я понимаю, что не особо то девушка рада прислуживать в замке.

— Не тяжело? - увидев непонимающий взгляд Жакотт, объясняю. — Молодая совсем. Тебе бы учиться, а не горшки за господами таскать.

— Что вы, госпожа! — Воскликает она. — Совсем не тяжело! Да и мамке нужно сподмоч. Нас в семье семеро, — объясняет она. — Всех одеть, обусть и накормить нужно.

"Ох уж эти средневековые времена," — качаю головой.

Вместо того, чтобы радоваться счастливому детству, учиться и познавать мир, они должны впахивать с ранних лет, чтобы не умереть с голоду.

— Сколько тебе лет? — Спрашиваю я, но Жакотт не успевает ответить.

В проходе появляется щупленький мужичонка с заспанным, помятым лицом и козлиной бородкой. На нём серая, не первой свежести рубаха и чёрные широкие штаны. На ногах кожаные сапоги, а в руках молоток.

— Не извольте гневаться, ваша милость, — говорит зычно, кланяется, да так и застывает в поклоне.

— Чего тебе? — Спрашиваю скорее для формальности. И так понятно зачем пришёл.

— Так это... — он выпрямляется, чешет бедро молотком, затем указывает на дверь, — Мари сказала надо дверь подлатать.

Благосклонно киваю. Мужичок теряет ко мне интерес и начинает кружить возле двери.

Понимаю, что дальнейший допрос придётся на какое-то время отложить. Взгляд лениво блуждает по комнате и натывается на камин. Странно, что в такую погоду он не разожён. Да и в комнате сыро. Не мешало бы её просушить. Не дай бог София простынет!

— Жакотт, а не могла бы ты развести огонь? — Указываю взглядом служанке на камин.

Её ответ обескураживает, заставляет задуматься.

— Так барон не велел до первых снегов тратить дрова. Говорит ни к чему лишнее расточительство.

Неужели дела в замке обстоят настолько плохо, что у них даже нет дров для отопления господских помещений? Спрашиваю об этом служанку и получаю категоричный ответ.

— Ну что вы госпожа! — Жакотт машет руками. — Просто наш господин очень экономный и бережливый!

Скупой он, а не экономный... — думаю про себя. — *Жадный до дрожи...*

Уныло вздыхаю. Интересно, а в этом замке есть хоть что-то, чем может руководить госпожа? Ну, помимо слуг конечно...

— Готово, ваша милость! — Слышу голос слуги от двери. — Позвольте уйти?
Оцениваю взглядом проделанную работу, довольно киваю и взмахом руки отпускаю его.
Мужичонка кланяется, пятится к выходу, а затем спешно сбегает.

Хм... Забавный!

Снова смотрю на Жакотт. На чём мы там остановились? Сколько ей лет? Впрочем, это уже не важно... Важно другое - наши отношения с бароном.

— Как ты думаешь, Жакотт, барон вернётся ночью? — Спрашиваю с напускным безразличием.

Девушка неожиданно густо краснеет. Меня крайне удивляет её такая реакция. Не с проста это... Ой, неспроста. Приподнимаюсь в кровати и удобно усаживаюсь.

— Говори! — Требую я, но девушка продолжает молчать и лишь стыдливо отводит взгляд. — Жакотт, кто я? — Решаю сменить тактику.

Девушка вскидывает голову и ошеломлённо смотрит на меня.

— Баронесса Катарина Осборн? — С трудом выдавливаю из себя.

Удовлетворенно киваю.

— А значит хозяйка замка и твоя госпожа? — Уточняю.

Служанка бледнеет и непонимающе хлопает глазками. Чувствую, как в груди закипает злость. Надоело играть в кошки мышки. Пора показать, кто здесь хозяйка!

— Немедленно рассказывай всё, что знаешь! — Приказываю ей и угрожающе добавляю.
— А станешь и дальше молчать, прикажу выпороть и выгнать из замка!

Девушка ахает и скукоживается от моего взгляда. Ей понадобилось всего-то пару минут, чтобы оценить ситуацию и сделать правильный выбор.

— Его милость не вернётся сегодня! — Выпаливает она.

— Откуда знаешь?

— Так никогда не возвращается. Если только под утро...

— Но где он проводит ночи?

— В таверне, госпожа, — девушка снова краснеет, но всё же продолжает. — Последнее время барон часто остаётся там ночевать. Поговаривают, его милость напивается до такой степени, что не в силах вернуться домой.

Ещё лучше... Оказывается мой супруг ещё и любитель выпить!

В мозгу что-то щёлкает... "В последнее время?" Значит, раньше барон напивался и возвращался домой?

— Раньше? Раньше — это до каких пор? — Спешу подтвердить свою догадку.

— Пока у вас не вырос живот, — глухо произносит Жакотт. — До этого времени барон всегда возвращался домой... Возвращался и бил вас...

Становилось понятно откуда заживающие синяки. Но свежие... как появились чёткие свежие отметины, если барон уже давно не ночует в замке?

— Последнее время барон сдерживал свою злость, но... — Жакотт мнётся и вновь замолкает.

— Договаривай! — Прикрикиваю на неё. — Что "но"?

— Иногда он приводил в вашу комнату блудниц из таверны. А когда вы пытались прогнать их, его милость зверел и жестоко бил вас.

Внутри меня всё перевернулось от ненависти. Гадкий ком тошноты подкатил к горлу.

Мерзкий ублюдок! Мало того, что он пил, бил свою беременную жену, так ещё и таскал девок в их супружескую кровать?

— А я? Где была я, когда барон развлекался с продажными девками?

— Здесь, госпожа. — Жакотт указала на низенькую кровать, которая стояла возле стены.

Услышав её слова я начала задыхаться от возмущения. У меня не было слов, чтобы выразить, какой подонок мой муж!

Бедная баронесса! Избитая, униженная, она должна была наблюдать за тем, как её муж развлекается с девками из кабака! Наблюдать... и молчать! Захотелось собственными руками придушить этого гада.

Но смогу ли я? Не уверена, что смогу убить... Но дать отпор этой твари должна! Чего бы мне это не стоило...

Глава 9

- А ещё... - начинает Жакотт, но я останавливаю её взмахом руки.

Хватит! Достаточно!

Не хочу больше слушать с каким подонком приходится жить баронессе.

Главное я поняла - мой муж тиран и садист, каких стоит ещё поискать.

- Уходи, Жакотт! - приказываю служанке, - Я хочу остаться одна.

Девушка нехотя, но уходит.

Оставшись одна, некоторое время неподвижно сижу и немигающе смотрю в пустоту. Я пытаюсь переварить, осмыслить всю ту ситуацию, в которой оказалась не по своей воле.

Боги сыграли злую шутку. Они дали мне второй шанс, но в то же время заставили ежедневно смотреть в лицо смерти... Это называется милосердием?

Подарили долгожданную дочь? Но я в любой момент могу её потерять... А может в этом и есть моё предназначение? Дать шанс малышки выжить и стать счастливой?

Медленно, стараясь не делать резких движений, поднимаюсь с кровати и подхожу к колыбели.

София спокойно спит.

Этому крохотному ангелочку с чистой невинной душой ещё не знакомы мирские тяжбы. Она не знает, что мир в котором она родилась очень жесток. И мне так хочется её уберечь. Но как?

Сбежать? Куда? Я ещё слишком слаба, а Софи слишком мала... Да и на улице невесть что творится. Судя по холоду в замке, за окном промозглая осень. Замёрзнем... Сгинем в первом же овраге! Нет, побег это не выход.

Хочется кричать от отчаяния. Выть от бессилия. Молить о помощи... Но кого? Кто сможет нам помочь? Всемогущие боги? Спасибо... Они уже помогли.

Меня всю колотит, ступни леденеют на каменном холодном полу. Но я совершенно не замечаю этого. Меня терзает такая душевная боль, что физическую перестаю ощущать.

Подхожу к окну и стараюсь рассмотреть окрестности замка. Но ночная мгла не даёт. Укрывает. Прячет от попаданки. И лишь когда небо рассекает очередная яркая вспышка молнии, успеваю увидеть в подножии замка мрачные крыши домов. Но, несмотря на многочисленное количество построек, не вижу там никаких признаков жизни. Кажется, что жизнь замерла, а вокруг одна темнота. Нет ни уличных фонарей, ни привычных ярких рекламных щитов.

Уплываю в воспоминания... Переношусь туда, где даже без включённого света ночью светло, как днём. Наша с Лёнкой квартира. То место где я не знала жестокости. Там я была любима и любила сама... Интересно, как там Лёнька? Страдает наверное. Оплакивает горячо любимую жену, винит себя, что не уберёг. Не смог остановить и отпустил одну в непогоду...

Смахиваю солёную влагу с ресниц и улыбаюсь. Я уверена, у него всё ещё впереди. Переживёт. Перестрадает. Найдёт себе красавицу жену, которая нарожает ему кучу детишек... Я спокойна за него.

Спокойна за него, но не за себя и Софию. Я даже не представляю, что нас ждёт завтра. А может уже сегодня... Ведь даже часов в комнате нет.

Слышу возню в колыбели и спешно подхожу к дочери. Убрав одеяльцо, понимаю, от чего малышка проснулась - пелёнки промокли. Беру Софочку на руки и переношу на кровать. Торопливо освобождаю малышку из мокрого плена. Чувствую, как волна умиления накрывает меня с головой.

Какая же она крохотная и беззащитная...

С трудом сдерживаю себя, чтобы снова не зареветь. Нельзя. На слёзы нет времени. По комнате гуляет сквозняк. Нужно как можно скорее, а главное потеплее, запеленать кроху в сухое.

Пробегаюсь взглядом по комнате, но чистых пелёнок не нахожу. Накрываю Софу своим одеялом и принимаюсь за поиски. В сундуке куча тряпья, но пелёнок там нет. Разочарованно закрываю его.

Неужели баронесса не подготовила приданного для новорожденной? Нет. Не верю. Она всё же ждала этого малыша. Надеюсь, что как только родит наследника, истязания кончатся. Страшно представить, что пережила девушка, узнав о рождении дочери.

Может в шкафу?

Но прежде чем обследовать содержимое шкафа, проверяю, как там София: малышка кряхтит, но не плачет.

Возвращаюсь к шкафу и открываю его. Первое что бросается в глаза, это много вещей. Мужских. Различные сорочки, рубашки, штаны, костюмы, кафтаны, гора носовых платков, головных уборов и панталонов - всё это, красиво развешано и аккуратно разложено.

А где же женские вещи? Неужели баронессе приходится переодеваться в другом помещении? Опускаю взгляд вниз и застываю. Пять платьев из тёмного грубого сукна лежат прямо на дне шкафа, а рядом с ними стоит пара туфель.

Вот же пакость... Даже здесь ущемил права баронессы. Хотя, чему я удивляюсь... Ожидаемо!

За платьями вижу стопку пелёнок. Ура! Значит я была права и баронесса всё же готовилась к рождению малыша. Сгребая в охапку пелёнки и спешу обратно к дочери. Опыта в пеленании у меня к сожалению нет, но я старательно закутываю Софию. Придирчиво осматриваю полученный результат и остаюсь довольна увиденным.

Софи, как куколка, которая вскоре должна превратиться в бабочку. Кривится и сонно зевает.

Не хочу класть её обратно в колыбель. Не хочу отпускать от себя. Беру её на руки и вместе с ней ложусь на кровать. Крошка чувствует маму. Она, словно слепой котёнок, тычется в грудь. Понимаю - моя дочка голодная.

Освобождаю грудь и начинаю кормить её. Малышка так сладко причмокивает и жмурится от удовольствия, что кажется её счастье передаётся и мне и я на какое-то время забываю о душевных терзаниях. Смотрю на неё. Любуюсь. В который раз убеждаюсь, что готова пожертвовать жизнью ради неё.

Но, спустя пару минут, Софи перестаёт терзать мой сосок. Она наедается и засыпает.

С трудом сдерживая зевотку, тру слипающиеся глаза, шлёпаю себя по щекам. Мне спать нельзя! Необходимо найти способ, как избежать встречи с бароном. Как обезопасить себя и Софи?

Ещё какое-то время мысли, словно испуганные букашки, мечутся в голове. Но выхода не находят. Так и я не вижу его. Кажется, выхода нет...

Борюсь со сном и начинаю усиленно размышлять... Выход есть всегда и я непременно его найду.

Но вскоре, усталость всё же берёт своё. Прикрываю глаза всего на секундочку, на мгновение и незаметно для себя засыпаю.

Глава 10

Просыпаюсь, как от толчка.

Комната наполнена солнечным светом.

Мне приходится потратить пару драгоценных минут, чтобы понять - где я? Слышу недовольное кряхтение дочери рядом и в этот момент меня словно током прошибает.

Уже утро, а значит, вскоре вернётся барон! А что сделала я? Уснула! Не найдя выхода из положения, взяла и просто заснула!

С губ срывается разочарованный стон. Корю себя за слабость и за то, что поддалась чарам Морфея.

София тоже волнуется, но по другой причине - снова вся мокрая.

Поднимаюсь с кровати и спешу к сундуку. Помню, что вчера ночью оставляла на нём гору чистых пелёнок. Нужно как можно скорее перепеленать дочку. Иначе расплачется.

Чувствую себя намного бодрее и лучше, чем вчера. Силы прибавились, да и тело не так сильно болит.

Но сделав пару шагов, застываю на месте. По ту сторону двери раздаются отчётливые шаги. Кто-то поднимается по лестнице. Тяжёлую мужскую поступь трудно перепутать с лёгким стуком женских каблучков. От понимания, что это, скорее всего, вернулся барон, кровь стынет в жилах.

В панике начинаю метаться по комнате. Не знаю, что делать... За что схватиться? Чем защитить себя?

Знаю одно, нужно обезопасить Софию.

Схватив колыбель, переносу её в дальний угол, к шкафу. Беру дочь и прямо в мокрых пелёнках, перекалдываю её в колыбель. Жалею лишь об одном - перепеленать не успела.

- Потерпи дорогая. - шепчу ей и прикрываю колыбельку сверху пелёнкой. - Мама вскоре вернётся.

Дочка у меня смышлёная, пусть и маленькая. Молчит. Возмущённо сопит, но не кричит.

Взываю к богам, прошу уберечь. Главное, чтоб не кричала. Глядишь, барон и не вспомнит про дочь.

Шаги приближаются. Ещё пару секунд и барон войдёт в комнату.

От страха начинаю дрожать. Но от мысли, что этот изверг вновь начнёт меня избивать, внутри поднимается волна возмущения. Ведь я не груша для битья! Я должна с ним совладать! Должна дать достойный отпор. Дать так, чтобы надолго запомнил.

Вспоминаю слова барона:

- "Жаль, раньше не убил... Вернусь утром, продолжим урок... "

Продолжим урок? Ну что ж...

- *Ты, драгоценный супруг, не оставил мне выбора.* - думаю, не сводя глаз с кочерги, лежавшей возле камина.

За пару шагов преодолеваю разделяющее нас с ней расстояние, хватаю её и занимаю выжидательное положение возле двери. Прижимаюсь спиной к холодной стене и поднимаю кочергу над головой.

Убью! А не убью, так зашибу! А ещё лучше, если после удара, барон потеряет память. Уж я то настрою его на истинный путь. Красочно опишу, как любил и холил нас с Софочкой.

Шаги уже возле двери.

Сердце готово выскочить из груди.

Происходящее кажется страшным сном. Кошмаром, из которого я не могу выбраться.

- О господи, что я делаю? - задаюсь вопросом, но отступить уже поздно.

Через мгновение дверь открывается. Зажмуриваюсь от ужаса, а когда различаю входящий в комнату мужской силуэт, и вовсе закрываю глаза. А затем совсей силой опускаю кочергу вниз...

Глава 11

В какой-то момент понимаю, что происходит что-то не то.

Вернее, ничего не происходит.

Не слышно ни звука удара, ни крика от боли, ни грохота падающего тела.

Да и кочерга почему-то зависла ровно на половине пути.

Открываю один глаз и тут же ошеломлённо распахиваю второй.

Передо мной стоит мужчина, лет сорока, с поднятой кверху рукой. Одет он в безупречный чёрный костюм, чем-то похожий на смокинг, на ногах идеально начищенные сапоги, а на руках перчатки белого цвета - поразительной чистоты.

Он весь такой идеальный, ухоженный и совершенный, что сразу располагает к себе.

Но больше всего меня покоряет - это его величественная осанка.

В голове всплывают слова матери, которая в детстве постоянно твердила мне:

"Катя, не сутулься. Не горбись. Сиди прямо, иначе привяжу палку к спине". Знакомая ситуация, да? Так вот, в данный момент я была практически уверена, что эта палка удобно располагается у него на спине. Мужчина держался так прямо, с таким достоинством, что, смотря на него, я стала чувствовать себя гадким утёнком.

"Катя, опомнись. Тебе ли критиковать себя? Ты баронесса, а не крестьянка какая!" - мысленно даю себе подзатыльник и беру себя в руки.

А чтобы соответствовать своему положению, горделиво распрямляю плечи и вскидываю подбородок. Взгляд ненароком скользит вверх, по руке гостя, и замирает на белоснежных перчатках. Становится понятно, отчего кочерга не достигла цели. Мужчина мастерски перехватил её прямо в полёте.

Вот это реакция! Завидую. Молча. Так как говорить не могу. От удивления онемела. Просто стою и смотрю на него. Он на меня. Лицо его абсолютно бесстрастно, словно не его сейчас пытались пришибить кочергой.

А когда до меня доходит вся кавернозность ситуации, резко разжимаю пальцы, опускаю голову вниз, скрывая стыдливо покрасневшее лицо за волосами и, словно нашкодивший ребёнок, прячу за спину руки.

— Я это... — сконфуженно начинаю выдумывать себе оправдание, — вообще, я... — задумчиво морщу лоб, затем вскидываю голову кверху и вижу над дверью то, что может меня спасти. — Паутину пыталась достать! — Я указываю пальцем на сеть из тонких нитей. — До смерти боюсь пауков! — Чувствую себя полной дурой, но что ещё мне остаётся? Я же должна хоть как-то объяснить своё поведение.

Мужчина едва заметно кивает, опускает кочергу вниз, но взгляда с лица не отводит. Он как будто заворожён. Но я то понимаю, что любоваться там нечем. Бледная, под глазами круги, лохматая после сна и неодетая... Неодетая! Вот в чём дело! Стыдливо прикрываюсь руками.

Незнакомец отводит глаза в сторону и чётко поставленным голосом говорит:

— Я подожду за дверью пока ваша милость приведёт себя в подобающий вид. — выходит вместе с кочергой.

С тоской провожаю взглядом единственное оружие, которое было в комнате. Чем теперь держать оборону, когда вернётся барон?

Громкий крик дочери отвлекает меня. Заставляет броситься к колыбели. Стоит мне взять Софу на руки, как малышка сразу же перестаёт кричать. До чего смышлённый ребёнок!

Пелёнки, в которые она была так тщательно укутана с вечера, насквозь промокли. Решаю, что раз мужчина пришёл по важному делу, то непременно дождётся. Первым делом меняю Софии пелёнки и начинаю кормить её. Пока Софи ест, гадаю кто же этот мужчина. На слугу не похож. Вон какие они все тут - грязные и неряшливые. А этот, другой. Благородный что

ли? Но что он забыл в комнате баронессы? Да при том, в отсутствии хозяина дома... Неужели девушка имела связь на стороне? Нет. Полный бред. Катарина вовсе не похожа на гулящую девушку. Отгоняю от себя эту мысль. Тогда кто он? В принципе, не так уж и важно. Главное, что с его приходом я стала чувствовать себя хоть немного, но в безопасности. Почему то я была уверена, что барон не станет трогать свою жену в присутствии другого мужчины.

Когда дочь засыпает, кладу её меж подушек и только после занимаюсь собой.

Ну как занимаюсь... Выбор платьев у меня не велик. Беру то, что лежит сверху. Платье хоть и старенькое, но выглядит вполне себе ничего - чистое и без дыр. Натягиваю его через голову и застёгиваю ряд мелких пуговиц на груди. По размеру подходит. Хотя, судя по количеству швов в районе талии, его уже неоднократно перешивали.

Обуваю грубые туфли и досадливо морщусь. Большие. Но не ходить же мне босиком. Решаю оставить так, в надежде, что они не свалятся с меня при ходьбе.

Затем наскоро пробегаюсь гребнем по волосам. На этом всё. Никаких тебе украшений, положенных баронессе. Ни привычной косметики. Даже бледные щёки припудрить нечем, не говоря уже о кругах под глазами. Что поделаешь - минимализм! Природная красота страшная сила. А то, что сейчас я "страшно" красивая, не сомневаюсь.

Прошло не менее получаса с тех пор, как мужчина вышел за дверь. Я уже особо и не надеялась, найти его там. Но приоткрыв дверь и выглянув в коридор, была приятно удивлена - незнакомец стоял возле двери и терпеливо ждал. Не смотря на столь долгое ожидание на его лице не было ни малейших признаков раздражения. Всё та же бесстрастная маска и взгляд, обращённый куда-то перед собой.

Бесшумно отхожу от двери, встаю посреди комнаты, нервно пробегаю пальцами по волосам, стряхиваю невидимые пылинки с платья и только потом громко произношу:

— Прошу вас, входите!

Незнакомец не заставляет себя долго ждать. Он входит в комнату и останавливается напротив меня. Ещё раз восхищаюсь им. Просто нереальная военная выправка: руки по швам, а подбородок с достоинством вздёрнут. Взгляд его останавливается где-то посреди моего лба и больше не двигается.

— Ваша милость, — начинает он, — я слышал у вас были тяжёлые роды... — и замолкает.

Понимаю, что гость ждёт подтверждения слухам. Киваю и выжидательно смотрю на него.

— Я понимаю, вы ещё слишком слабы, — продолжает он, — и, возможно, не сможете пережить эту потерю. Но, я обязан сообщить вам эту трагическую новость...

Глава 12

— Пойдите, — я выставляю перед собой ладонь, тем самым заставляя гостя молчать. Мужчина послушно хлопывает рот. Взгляд его смещается ниже. Теперь он смотрит мне прямо в глаза.

Выдержав паузу, начинаю играть.

— Вы правы, — произношу грустно, чтобы точно поверил. — Роды были очень тяжёлые и я едва не умерла. Слава богу, всё обошлось. Я жива и почти здорова, — театрально вздыхаю и касаюсь кончиками пальцев висков. — Когда я пришла в себя, поняла, что этот мир чужд для меня. Я практически ничего не помню. Вот и вас совершенно не помню. Не могли бы вы, перед тем как сообщать мне печальную новость, назвать своё имя.

Выжидательно смотрю на незнакомца. Пытаюсь понять, не переиграла ли я?

К моему глубокому огорчению, мужчина даже виду не подаёт, что мои слова как то задевают его. Полное безразличие.

"Скорее всего, мы незнакомы! Именно по этой причине он с такой лёгкостью верит моим словам!" — Понимаю я и с облегчением выдыхаю.

— Я Бенедикт, ваша милость, — невозмутимо отвечает мне незнакомец и кивает в знак уважения головой. — Камердинер его милости, а также управляющий замка.

Его слова действуют на меня, как ушат холодной воды. Управляющий? Он же совершенно не похож на слугу! Его речь, одежда, манера держаться, всё это разительно отличается от моего видения, как должны выглядеть слуги. Это просто невероятно!

— И давно вы работаете в замке? — Вкрадчиво спрашиваю.

— Больше двадцати лет, госпожа.

Значит он был уже здесь, когда барон привёз в замок жену? Но разве возможно столько лет прожить рядышком с баронессой и не заметить подмены? Я была несколько обескуражена. Неужели поверил легенде о потере памяти? Или сделал вид, что поверил? Впрочем, какая мне разница. Главное, не побежал доносить.

Вспоминаю, зачем он здесь... Хотел сообщить мне плохую новость? Интересно, какую? Разве может быть ещё хуже? По мне, так я и так в полной клоаке.

— Вы пришли по какому-то делу? — Говорю с лёгкостью, а сама напряжена до предела.

— Хммм... — камердинер прочистил горло, кашлянув в кулак, а затем со свойственным ему спокойствием, выдаёт: — Как бы мне не было тяжело говорить, но я должен сообщить вам, что наш почтенный, многоуважаемый барон и ваш горячо любимый супруг, сегодняшней ночью был подло убит. — Он замолкает, по видимому ожидая бурной реакции от меня, но я продолжаю молчать. Не получив никаких эмоций с моей стороны, Бенедикт добавляет, — соболезную вашему горю.

Понимаю, молчать дальше нельзя. Нужно, что-то сказать. Но что?

— О-о-о-о-о... — шокированно тяну я.

На этом всё. Больше мне сказать нечего. Строить из себя убитую горем жену? Пфф.. Ещё чего. Пусть скажут спасибо, что в пляс не иду. А так хочется.

Но и строить из себя скорбящую супругу не собираюсь. Я же вижу, Бенедикт отнюдь не дурак. Ну не похож он на простого слугу! Он прекрасно осведомлён о наших непростых отношениях с почившим супругом. Уверена, камердинер не раз становился свидетелем моих унижений. И если я сейчас начну горько рыдать, заламывать руки и стенать об ушедшем бароне, это будет смешно.

Продолжаю молчать и гипнотизировать взглядом слугу.

"Ну уходи же уже!" — мысленно взываю к нему.

Хочу как можно скорее остаться одна. Боюсь, не сдержусь, и Бенедикт станет невольным свидетелем моего безмерного счастья. Нельзя. Он и так уже много увидел.

Сжимаю кулаки так, что ногти больно впиваются в кожу. Эта боль помогает сдерживать улыбку.

В конце концов не выдерживаю.

— Что-то ещё?

— Да, ваша милость, — мужчина кивает. — Внизу вас ожидает падре. Он хочет переговорить с вами, но я вижу вы ещё слишком слабы... — Бенедикт замолкает и вопросительно выгибает бровь.

Я киваю. Мне определенно нравится ход его мыслей.

— Вы слишком слабы, — продолжает управляющий, — и не готовы принимать посетителей...

Я вновь киваю. Какой ценный кадр, этот мужчина. Просто находка!

— И в церковь на прощание не придёте?

— Боюсь не смогу, — грустно вздыхаю и качаю головой. — Такая слабость во всём теле...

— Тогда позвольте я вместо вас улажу дела с погребением и оплачу падре работу с тех денег, что барон выделял мне на содержание замка.

— Я буду вам благодарна за это! — С готовностью соглашаюсь и, в знак признательности, прикладываю руки к груди. — А сейчас я бы хотела прилечь. Голова разболелась. Такая ужасная новость! — Качаю головой и делаю шаг к кровати.

— Тогда позвольте мне удалиться?

— Да-да, — охотно киваю. — Вы можете быть свободны.

Бенедикт кланяется, а затем покидает меня.

Но даже тогда я не решаюсь дать волю эмоциям. Меня не покидает ощущение, что что-то не так. Слишком подозрительно вёл себя Бенедикт. Зачем-то подыграл мне...

Снимаю туфли и на цыпочках приближаюсь к двери. Прислоняюсь к ней ухом, прислушиваюсь. Тишина. Осторожно приоткрываю дверь и выглядываю в коридор. Никого. Значит и вправду ушёл.

Увидев кочергу, забытую, или намеренно оставленную управляющим прямо у входа, забираю её. Пригодится. Мало ли, что ждёт меня впереди. Собираюсь уже вернуться в покои, как слышу звук шагов и женские голоса.

Решаю остаться и послушать о чём шепчутся слуги.

— Неужели и вправду в канаве нашли? — С нескрываемым ужасом вскрикивает какая-то девушка.

По голосу узнаю Жакотт.

— А то! — Подтверждает другая, её голос мне не знаком. — Говорят, со вспоротым животом лежал!

"Собаке собачья смерть!" — Удовлетворённо киваю.

— Господь, сохрани! — Громко шепчет Жакотт. — Но кто? Кто посмел покуситься на жизнь барона?

— А кто его знает? В ту, бесову ночь, много пришлых было в таверне. Теперь и не найдёшь виноватого!

— А как же мы теперь? — Голос Жакотт дрожит от страха. — Неужели баронесса править начнёт?

— Жакот - Жакотт, — неизвестная приглушённо смеётся. — Молодая ты ещё совсем. Глупая. Кто же позволит ей править? Женщины они на что нужны? Род продолжать! Как только закончится траур, король найдёт нашей хозяйке нового мужа. А ежели баронесса откажется, судьба её незавидна. А нам с тобою Жакотт... — в голосе женщины слышится приятное предвкушение, — нам пора готовиться к большим переменам.

Глава 13

Голоса звучат уже совсем близко, и я спешно возвращаюсь назад в комнату. Бесшумно прикрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной и судорожно вздыхаю.

Ликование, радость, чувство победы - всё это в раз померкло, стоило мне услышать слова незнакомки.

После траура король найдёт баронессе нового мужа...

"А если я не хочу? Неужели выдадут замуж без моего согласия? Пффф! - возмущённо фыркнув, продолжаю негодовать. - Ещё чего! А если старик? Или ещё хуже - садист? Ну уж нет! Я не собираюсь вновь становиться безвольной куклой для очередного полоумного муженька.

Отстраняюсь от двери и начинаю нервно ходить по комнате.

"Замуж они меня отдадут! - раздражённо упираю руки в бока. - Ага, щассс! Если только за самого короля! - нервно хихикаю и представляю короля рядом с собой.

Почему то в голову приходит только одна картина: я, вся такая красивая и нарядная, а рядом со мной старый дряхлый маразматик в короне. Замуж за короля как-то сразу перехотелось.

"Да я вообще больше не хочу вступать ни в какое замужество! Я уже там была и мне, как бы помягче сказать, там не сильно понравилось! У меня есть София, а больше, для счастья, никого и не надо."

Останавливаюсь возле кровати и люблюсь малышкой. Смотрю на умиротворённое личико дочери и ловлю себя на мысли: "хорошо, что дочка ещё слишком мала и не видит переживания матери. Страшно представить если бы этой малышке пришлось увидеть, как её папочка обращается с любимой мамочкой. Как бы она пережила смерть отца и отреагировала на появление в своей жизни нового папы? Слава Богу, сейчас она совсем кроха и не понимает, что вокруг происходит. Ну а в дальнейшем я постараюсь кардинально изменить её жизнь."

Я вновь начинаю бесцельно бродить по комнате и раз за разом прокручиваю в голове подслушанный разговор. Я пытаюсь найти в нём подсказку, уловить скрытый смысл... Да хоть что-нибудь, что подтолкнёт меня к решению насущей проблемы.

Я так мало знаю об устоях и традициях этого времени, что приходится довольствоваться тем, что было услышано ранее. Только оказавшись здесь, я стала горько жалеть, что в школе пропускала уроки истории. И вот, теперь, я пожинаю плоды этих прогулов. Я не знаю практически ничего об этом, совершенно незнакомом для меня мире. Я даже не знаю сколько длится траур у женщины, после смерти горячо "любимого" мужа...

Точно! Траур! В этом может скрываться моё спасение. Ведь меня не могут выдать замуж, пока я скорблю об ушедшем супруге. А как только закончится траур, я заберу Софи... А позволят ли мне забрать с собой дочь?

Только от одной мысли, что мне могут не отдать дочь, сердце сжимается болью. Но я тут же успокаиваю себя тем, что София не представляет никакого интереса для короля. Она девочка, а значит, не наследница. И я вправе сама распоряжаться судьбой дочери.

Правда придётся отказаться от титула и покинуть пределы баронства, но это всё мелочи.

Главное, что за это время Софи уже подрастёт, а я смогу набраться сил и подготовить почву для изменений. Мне нужно заранее, пока я ещё баронесса и, скорее всего имею некую власть, найти для нас дом. Необходимо облагородить его и запастись едой на первое время. А дальше... А что будет дальше, посмотрим. Чёрной работы я не боюсь. Уверена, что смогу заработать пару монет нам на еду.

Поставив перед собой цели на будущее, я успокоилась, и меня уже не так сильно страшила весть о предстоящем замужестве.

Всё же нужно будет как можно скорее узнать сколько времени я буду пребывать в трауре. Но я уверена, что с этим проблем не возникнет. Ведь у меня в услужении есть слуги, которых я могу расспросить.

А пока буду жить так, как положено баронессе и скорбящей жене. Надеюсь, никто из слуг не посмеет перечить своей госпоже. Иначе... Иначе придётся заняться их воспитанием.

Я настолько погружена в свои мысли, что до меня не сразу доходит - кто-то стучится в дверь. И только настойчивый зов Жаккот, помогает мне вернуться в реальность.

Глава 14

— Леди Катарина? — Зовёт служанка. — У вас всё хорошо? Я могу войти?

Я не хочу, чтобы Жакотт заметила, что я чем-то взволнована. Я должна выглядеть как убитая горем жена, а не как женщина, которая что-то замыслила.

Напускаю на лицо скорбное выражение и, с напущенной грустью в голосе, произношу:

— Входите.

Девушка мгновенно появляется в комнате и смиренно застыивает возле двери. Взгляд её обращён в пол. Она не решается смотреть баронессе прямо в глаза.

Я довольна увиденным. Жакотт ведёт себя так, как и подобает прислуге.

— Ах, это ты Жакотт! — Делаю вид, что удивлена. — Не слышала, как ты стучала... — замолкаю на пару секунд, затем наигранно добавляю, — не могу поверить, что барона больше нет с нами. И за что мне всё это? - начинаю перечислять все тягости жизни. — Тяжёлые роды, потеря памяти, преждевременная гибель супруга...

Снова замолкаю, тяжёло вздыхаю и делаю вид, что смахиваю с глаз капельки слёз.

— Мне так жаль, госпожа! — Жакотт прижимает руки к груди. — Соболезную вашему горю и молюсь за упокой души нашего почившего господина.

— Как же я теперь одна то, Жакотт? — Продолжаю изображать, что в не себе от горя.

Мысленно же, задаюсь вопросом: И долго так будет продолжаться? Сначала строй из себя полоумную деву, потерявшую память. Теперь вот, изображай убитую горем жену... Да мне уже "Оскара" пора выдавать за лучшую роль! Эх... мечты-мечты...

— Вы не одна, госпожа! — Вскрикивает Жакотт. — У вас родилась ЗДОРОВАЯ дочь!

Отмечаю, как служанка выделяет интонацией слово "здоровая". Поражаюсь, неужели у них принято отказываться от больных детей. Или ещё страшнее... Обдумывать эту ситуацию некогда. Хватаюсь за её слова, как за спасительную соломинку.

— Ты права, Жакотт. У меня прекрасная дочь. Мне нужно позаботиться о ней. Нельзя так сильно погрязать в собственном горе. Барона уже не вернуть, — скорбно качаю головой, затем перемещаю взгляд на малышку. — А Софии требуется внимание. Я должна жить ради Софии!

Украдкой поглядываю на служанку. А когда убеждаюсь, что Жакотт верит в ту чушь, что я несу, продолжаю:

— Ох, Жакотт! Мне так плохо! — Закрываю лицо руками. — Я даже не могу попроситься с супругом. Я ведь ещё так слаба... — убираю ладони с лица и вскидываю глаза на служанку. — Жакотт, как ты думаешь, мой наряд соответствует трауру? — Мне не нужен её ответ, поэтому не замолкаю, чтобы дать ей ответить, и продолжаю стенать. — Нужно непременно соблюсти все приличия. Напомни, сколько времени я должна носить траур? — Замолкаю и с нетерпением жду ответ. Надеюсь, что у меня будет достаточно времени, чтобы воплотить свои планы в реальность.

— Ровно до следующей осени, госпожа, — тихо отвечает Жакотт.

Едва сдерживаюсь, чтобы не захлопать в ладоши от радости. У меня будет целый год! Двенадцать месяцев я могу делать то, что считаю нужным. Только подумать... целый год!

— Благодарю тебя, Жакотт, — великодушно киваю.

Меня уже начинает трясти от этого фарса... или не от фарса? Чувствую, как желудок сводит от голода.

— Жакотт?

— Да, госпожа? , — Девушка делает шаг вперёд.

— Не могла бы ты принести мне поесть? — Но в страхе, что мне придётся вновь хлебать ту гадкую жижу, поспешно добавляю, — только не того бульона, которым повариха кормила

меня вчера. Пусть приготовит что-то более сытное. Я всё таки кормящая мать. Мне нужно хорошо питаться.

— Я поняла вас, леди Катарина, — служанка кивает и пятится к двери, но я останавливаю её.

— Жакотт?

— Госпожа ещё что-то желает?

— Да, Жакотт. Забери с собою вот это, — указываю на гору мокрых пелёнок. — Их нужно хорошо постирать, просушить и отутюжить. А пока их стирают, позаботься о том, чтобы в моей комнате было достаточно чистых пелёнок. И ещё... — решаю, что пора прекращать жить по установленным правилам, нужно вводить свои. — В комнате очень сыро и холодно. А это опасно для Софочки. Я хочу, чтобы огонь в этом камине, горел до тех пор, пока в комнате не станет тепло.

К моему удивлению, Жакотт даже не пытается возражать. Ещё вчера она говорила об экономии, а сейчас совсем соглашается! Получается, умер не только барон. Вместе с ним сгинули в небытие все его указания. А раз так... Что там говорила женщина? Пора готовиться к переменам? Ну-ну... У меня впереди целый год! За это время я устрою вам такие перемены! И не уверена, что многие из них вам понравятся.

— На этом пока всё. Иди, принеси мне еду!

— Как вам будет угодно, госпожа, — Жакотт опускает голову в лёгком поклоне.

Но стоит ей распахнуть дверь и я слышу, как внизу кричит какая-то женщина.

— Жакотт? — Вновь останавливаю служанку. — Кто это так кричит?

— В замок прибыла кормилица, госпожа. Ей сообщили, что вы больше не нуждаетесь в ней, но она отказывается уходить. Говорит, что ей некуда идти, а барон обещал ей пристанище.

Во мне возникает желание — попросить Жакотт как можно плотнее закрыть дверь, чтобы не слышать женские вопли, но, неожиданно, я понимаю, что кормилица мне ещё пригодится. Вернее не мне, а Софии. Раз уж я собираюсь навести в замке "порядки", мне нужен тот человек, который сможет присмотреть за Софией. Иначе я и шага из комнаты не ступлю...

На Жакотт я положить в этом деле не могу. Молода ещё слишком. Поэтому решаю посмотреть, что же за женщину для своего наследника выбрал барон. Возможно, она сослужит мне хорошую службу.

— Пригласи её ко мне, — приказываю служанке. — Я желаю познакомиться с ней.

Глава 15

Служанка уходит и закрывает дверь за собой. Крики тут же стихают.

Но не проходит и пары минут, как в комнату, словно ураган, врывается женщина. За её спиной я вижу Бенедикта. Он пытается схватить кормилицу за руку, остановить её. Но женщина ловко уворачивается и несётся прямо ко мне.

Она падает, пытается схватить меня за руку, но я уворачиваюсь и прижимаю руки к груди. С трудом сдерживаюсь, чтобы не зажать пальцами нос. От кормилицы исходит такой запах, что режет глаза. Едкая вонь чеснока, разбавленная запахом пота и давно не мытого тела, просто сводит с ума.

И этой особе барон хотел доверить своего наследника? Значит так нынче выглядят достойные женщины? Что вообще творилось в голове у барона? Или он выбирал кормилицу под стать себе?

— Госпожа! — Так и не поймав мою руку, кормилица хватает меня за ноги. — Прошу вас, госпожа! Не прогоняйте меня! Проявите милосердие! — Глаза женщины горят лихорадочным блеском.

Мне становится страшно. Не дай бог больная какая.

Ловлю на себе взгляд управляющего и едва заметным движением пальцев, прошу убрать от меня эту мадам. Бенедикт всё понимает без слов. Он ловко схватывает её за подмышки, поднимает на ноги и оттаскивает в сторону. Женщина больше не сопротивляется. Она, как безвольная кукла, свисает в руках управляющего. Когда Бенедикту удаётся заставить её твёрдо стоять на ногах, он отступает на шаг, но продолжает держать её за плечо.

— Как тебя зовут? — Спрашиваю.

— Люсия, госпожа, — тихо отвечает, но не проходит и пару секунд, как она вновь начинает кричать. — Прошу вас, госпожа! Не прогоняйте! Я буду служить вам...

— Успокойся! — Мне тоже приходится перейти на крик, чтобы перекричать её. И о чудо! Кормилица замолкает. — Послушай, Люсия, — уже спокойно продолжаю. — Я больше не нуждаюсь в кормилице. Мне жаль, но тебе придётся уйти, — решаю умолчать о том, что ещё пару минут назад хотела нанять её в качестве няни.

Мне хватает того времени, что я вижу кормилицу, чтобы понять: я не смогу оставить свою дочь с неуравновешенной, неряшливой и дурно пахнущей женщиной.

— Уйти? — Кричит женщина. — Но барон обещал мне это место! Ради вашего ребёнка я избавилась от своего! И теперь у меня грудь ломит от молока! Куда мне его девать? Кого вскармливать?

У меня дыхание перехватывает от её слов. Что она сделала? Избавилась от собственного ребёнка? В голову закрадываются страшные мысли... Да я сгною её в тюрьме, если только узнаю, что она причинила вред новорожденному.

— Что ты сделала со своим малышом? — Подскакиваю на ноги. — Что значит избавилась?

— А что? Разве баронессе есть дело до нищих крестьян? — Она истерично смеётся.

Я не выдерживаю этого. За два шага преодалеваю расстояние между нами и со всей силы ударяю ей по щеке. Глаза кормилицы округляются, и она замолкает.

— Отдала я его, — шепчет чуть слышно. — Одной бездетной паре отдала. Богатой. Так барон приказал. Сказал, отдашь своего, станешь вскармливать моего. Обещал, что ни я, ни моё дитяток нужды знать не будем. А оно вишь, как вышло. Осталась я и без места в баронстве и без дитя.

Выдыхаю. Главное живой. А то, что барон был той ещё скотиной, я уже давно поняла. Но и кормилица хороша. Разве можно было отказаться от своего ребёнка в угоду деньгам?

— Ты сама виновата во всём. Головой нужно было думать и жить сердцем, — чуть ли ни по слогам чеканю кормилице. — У тебя больше нет малыша. А молоко... сцеживай и продавай. На кусок хлеба заработаешь, — перевожу взгляд на управляющего. - Бенедикт, уведи её.

Камердинер кивает и тянет женщину в сторону выхода. Она молча, а главное, покорно ступает за ним. Но как только управляющий теряет бдительность и отпускает её, кормилица вырывается и бросается к колыбели.

Я даже не подозревала, что способна на такую неконтролируемую реакцию. Возможно, сыграл материнский инстинкт — защити. Не дай навредить.

Моментально реагирую, бросаюсь вперёд и перегороджаю кормилице путь. Отталкиваю её от себя, и она чуть ли не падает в руки камердинера.

— Госпожа! Прошу вас! Не прогоняйте! - вновь начинает кричать и брыкаться. — Дайте мне шанс! Я докажу, что достойна растить нашу...

— Нашу? — Удивлённо перебиваю её. Да что эта женщина себе позволяет? — Бенедикт! Немедленно уведи её! — Уже просто взрываюсь.

Управляющий практически силком вытаскивает даму из комнаты. Ещё какое-то время слышны её крики. Но вскоре они становятся тише. Затем и вовсе смолкают.

С ужасом осознаю, что сама, по своей глупости или наивности, призвала в комнату эту особу. А если бы она навредила Софи? Клянусь себе, что впредь буду умнее. И к дочери подпущу лишь того, с кем лично знакома и в ком уверена, как в себе.

Проблема в том, что я никого не знаю в баронстве. Были ли у меня подруги, знакомые, верные слуги?

На кого я могу положиться?

Долго думать не приходится. Я знаю слишком мало людей в этом замке. А тех кого знаю можно пересчитать по пальцам одной руки. Начинаю вспоминать всё, что происходило в замке за эти дни.

Перед глазами всплывает картина, как повитуха бросается на барона и пытается меня защитить.

Агнесска... Точно, Агнесска! И как мне раньше это в голову не пришло? Она готова была понести наказание, но защитить свою баронессу. Да и о Софи тревожилась. Она идеально подходит на роль няни. Надеюсь, она не откажет.

Спешно несусь к выходу, распахиваю дверь и едва не сшибаю в проходе Жакотт. Девушка успевает вовремя отступить.

— Госпожа? — Слышу её изумлённое.

— Подожди, Жакотт, — отмахиваюсь от неё. — Не до тебя!

Выскакиваю в коридор и зову Бенедикта. Даже понимание того, что баронессе не свойственно такое поведение, не останавливает меня. На расшаркивания с прислугой нет времени. Боюсь не успеть. Вдруг повитуха вновь покинет пределы баронства.

Вскоре слышу шаги. Затем вижу самого Бенедикта.

— Леди Катарина, у вас что-то случилось? — Спрашивает он, как только заканчивает подъём по лестнице.

— Бенедикт, срочно пошли когонибудь за повитухой!

— Эммм... — вид управляющего озадачен. — Доставить прямо сейчас? В замке очередные роды?

— Да! — Необдуманно вскрикиваю, но увидев, как меняется взгляд Бенедикта, добавляю. — Нет! — Понимаю, что совсем запутала камердинера. — Вообще, она нужна мне! Как можно скорее!

— Как вам будет угодно, госпожа. — Бенедикт не подаёт виду, что удивлён или, что его смущают мои слова, он делает полупоклон и стремительно удаляется.

Фух... Выдыхаю. Вроде бы разобрались. Можно вернуться к Софии.

Поворачиваюсь и вижу Жакотт. В руках у неё поднос. Вспоминаю, что отправляла девушку за едой.

Но аппетит куда-то пропал. В носу до сих пор ощущается противный чесночный запах. Хочется отослать служанку, но разум твердит, что нельзя.

Нельзя пренебрегать едой. Ведь от этого зависит качество и количество моего молока. А если оно пропадёт? Не дай бог придётся искать кормилицу. И неизвестно ещё какой будет очередная "достойная" женщина. Хочется лм мне того или нет, но есть придётся!

— Проходи, Жакотт, — обреченно вздыхаю. — Что там у тебя? Надеюсь, повариха старалась на славу?

— О да, госпожа! — Довольно восклицает Жакотт. — Каша сегодня всласть как хороша! Девушка ставит передо мной поднос.

Оценивающе осматриваю то, что стоит на подносе. Увиденное не то что удручает, оно навеивает на мысль: барон не убил, так повариха решилась на этот отчаянный шаг?

Глава 16

Изучаю содержимое своего подноса и пребываю, мягко говоря, "в шоке".

— Это что? — Спрашиваю у Жакотт и тычу пальцем в подозрительный, серый комочек у себя на тарелке.

— Овсянка, госпожа! — Уверенно отвечает девушка и недоумённо хлопает глазками.

Судя по её виду, она не понимает чем, в очередной раз, недовольна её госпожа.

Да уж... Действительно. Как тут понять? У меня же на подносе просто пища Богов, а не кусочек чёрного хлеба, стакан с варом и тарелка с куском слипшейся каши, из которой, словно копьё, торчит оловянная ложка.

— Чёрт побери, Жакотт! — Не выдерживаю и срываюсь. — Я вижу, что это каша, но почему она такая?

Берусь за ложку и переворачиваю её вместе с тарелкой. Каша при этом остаётся там где была - внутри.

Возвращаю тарелку на место и поднимаю взгляд на Жакотт.

Девушка скукоживается под моим взглядом. Всю её уверенность как рукою сняло. От волнения она теребит подол своего платья, а взгляд её мечется из стороны в сторону, словно в поисках выхода.

Вижу, что служанка растеряна и даже напугана. Она искренне не понимает, чем в этот раз не угодила своей баронессе.

Понимаю, что нет смысла срывать на Жакотт своё недовольство. Это не она отвечает за кухню и приготовление пищи. Спрашивать надо с того, кто сотворил сей "шедевр".

- Приведи ко мне повариху!

Повариха соизволила почтить меня своим присутствием только спустя пару часов.

За это время я успела даже вздремнуть. Но перед сном всё же перекусила. Съела кусочек хлеба и запила его варом. Этого хватило, чтобы успокоить голодно урчащий желудок.

Отвар, между прочим, был очень вкусный. Сваренный из сухофруктов, он чем-то походил на компот. Жаль, что в него не добавили сахара, но это, скорее всего, из-за забывчивости.

Я пыталась убедить себя в том, что после смерти барона, повариха просто не посмеет намеренно ограничивать свою хозяйку в еде.

Кашу я решила оставить для поварихи. Для большей наглядности, так сказать. Чтобы было что предъявить. За что зацепиться.

Поев сама, перепеленала и накормила Софию. Не найдя чем ещё занять себя во время долгого ожидания, прилегла на кровать и вскоре заснула.

Осторожный стук в дверь вырвал меня из лап дремоты.

А вот, похоже, и повариха пожаловала.

Поднимаюсь с кровати, встаю возле стола, поближе к изумительно "вкусной" каше и только затем приглашаю гостью войти.

Но, вопреки моим ожиданиям, первым в комнату входит Бенедикт. Я было уже хотела отправить его за кухаркой, но, когда управляющий отходит чуть в сторону, в проходе появляется тучная женщина.

Бегло осмотрев её, понимаю: она морит голодом всех, за исключением себя. Передо мной стоит женщина средних лет с очень пышными формами и округлым, можно сказать даже полным, лицом. Внешний вид её соответствует требованиям: опрятное, чистое платье, волосы собраны в тугой пучок на затылке, а на голове у женщины возвышался чепчик в тон её белоснежному фартику.

По крайней мере, она чистоплотна. Отметила я. Это плюс к её карме.

Рассматривая покрасневшее от жара печей лицо поварихи, я недоумевала, почему она так отвратно готовит?

— Как тебя зовут? — Начинаю свой, уже ставший привычным, опрос.

— Адель, госпожа, — в голосе поварихи слышу едва заметные дрожание нотки.

— Давно работаешь в замке?

— Да, госпожа. С тех пор, как нашему почившему барону был присвоен сей титул и отдано в распоряжение баронство... С тех пор и служу на господ.

Это ж сколько лет! Удивлённо округляю глаза. Но тут же понимаю - врёт! Как есть врёт! Да за это время она бы только отточила своё поварское искусство, а не готовила вот это.

Беру тарелку в руки и протягиваю кухарке.

— Это по твоему каша? — Разгневанно произношу. — Да это же есть не возможно! А бульон? Тот, который приносили вчера... Глядя на него у меня сложилось впечатление, что кто-то до меня мастерски извлёк из него всё мясо, а мне достался лишь лук! Немедленно, объяснись!

— Так это... — и так красное лицо поварихи, становится просто багряным. — Так по распоряжению барона... Я выполняю... Ничего лишнего... А новый указ не поступал... - заикаясь, мямлит кухарка.

Из её слов понимаю одно: ей нужен новый указ? Получай!

— Приказываю, приносить для меня только свежеприготовленную еду — это раз! Во вторых, на завтрак каша... съедобная каша! На обед, всё должно быть как положено — первое, второе и десерт. Я желаю, чтобы в моём рационе присутствовали овощи, фрукты, выпечка и ... мясо! Мясо должно быть везде!

— Так нету, госпожа, — с трудом выдавливает из себя женщина и испуганно жмурится.

— Чего нету? — Удивлённо переспрашиваю.

— Так продуктов нету...

Опешиваю. Как нет продуктов? Быть такого не может. Смотрю на кухарку, на её маслянисто пухлое личико и понимаю, кто съедает мои запасы.

— Воруешь? — Практически кричу. — По лицу вижу, воруешь! Да я с тобой за это знаешь, что сделаю... — настолько вхожу в образ разгневанной баронессы, что до меня не сразу доходят слова Бенедикта.

— Повариха, не врёт, — твёрдо произносит он и встаёт рядом с кухаркой. — Запасов действительно мало.

А когда осознаю услышанное, замолкаю и растерянно перевожу взгляд с поварихи на управляющего.

— Совсем нет? — Глухо уточняю.

— На несколько месяцев хватит, — добивает меня Бенедикт. — Но это при условии, что мы продолжим соблюдать такую же экономию, которую ведём уже несколько лет.

Слова управляющего заставляют меня покачнуться, словно почва начинает ускользать из под ног.

Неужели дела в баронстве настолько плохи, что нам придётся жить чуть ли не впроголодь?

— А потом? Что будет с нами по истечении этого срока? Неужели, после смерти барона, у нас не осталось никаких сбережений?

— Возможно, кое какие средства есть, но мне о них неизвестно. Те деньги, что барон выдал мне в этом месяце, ушли на оплату его погребения.

Вот же пакость! Даже те крохи, что у него были, барон умудрился утащить на тот свет. Нужно было скормить его тело бродячим собакам! Хоть что-то бы смогли сэкономить.

Пытаюсь придумать, как нам выйти из этой ситуации, но безуспешно. От потрясения мозг просто вырубился. Кажется, что в голове одна вата.

Понимаю одно: если продолжу питаться так, как готовит кухарка, то я ни то что не наберу прежний вес, да я просто сдохну от голода!

— Поступим там, — говорю спокойно, но твёрдо, так, чтобы ни повариха, ни управляющий не посмели мне возразить. — Запасы продуктов скудны, но они есть. Я не желаю больше видеть у себя в тарелке вот это вот месиво, — указываю на комок из овсянки. - Еда должна быть не только сытна и полезна, но и вкусна. Адель, — поворачиваю голову в сторону поварихи, — впредь я не потерплю отговорок о неимении в замке продуктов. То, что ты готовила ранее есть невозможно. Я прошу тебя, прояви немного фантазии. Добавь в ту же кашу горсточку сухофруктов, щепотку сахара, немного молока и сразу же почувствуешь разницу. - вижу, что с каждым произнесённым мной словом, глаза кухарки округляются, становятся больше.

Видимо, ранее, баронесса мало общалась с прислугой, а уж о её познаниях в кулинарии никто и не ведал. Но меня уже было не остановить. Я должна была донести до кухарки, что в будущем не потерплю её лени.

— Да даже из горстки муки можно сотворить кулинарный шедевр! — Продолжаю поучать повариху. — Я надеюсь на тебя. Второй раз повторять не намерена. Не исправишься, прогоню! На этом закончим. Уходите.

— Но, леди Катарина... — Бенедикт пытается что-то сказать, но я перебиваю его.

— Не сейчас, Бенедикт, — устало махаю рукой. — Оставим все разговоры на завтра. Уверена нам ещё многое нужно обсудить, но не сейчас.

— Как вам будет угодно, госпожа, — управляющий склоняет голову в лёгком полу поклоне, затем указывает кухарке на дверь.

Смотря вслед этим двоим, чувствую себя как-то гадко.

Ни за что накричала на повариху. Обвинила её в воровстве. Не дело это.

Пусть я баронесса, а она просто прислуга и между нами огромная социальная разница... Всё же я не хочу потерять свою человечность.

Хочу чтобы не просто боялись, а уважали.

— Адель? — Зову повариху.

Женщина резко оборачивается. В её глазах страх.

— Прости меня, Адель, — мягко улыбаюсь. — Прости, что обвинила тебя в воровстве.

И сразу становится легче. Мне приятно наблюдать, как Бенедикт одобрительно кивает головой, а женщина испуганно крестится.

— Бог с вами, госпожа! — Вскрикивает она. — Вам то каяться, да передо мной! — Она возмущается, а я то вижу, что кухарка довольна. — Это вы простите меня. Вот те крест, — она повторно осеняет себя крестом, — исправлюсь! Честное слово исправлюсь!

— Идите уже! — Горько смеюсь и махаю на них рукой.

Глава 17

К вечеру в замок доставляют Агнесску.

Она без лишних расшаркиваний входит в комнату и подходит к столу.

Вижу, что повитуха ненаشطку взволнована.

— Леди Катарина, не уж то случилось что? — Начинает спешно развязывать свой мешок, а затем доставать из него лечебные травы и какие-то мази. — Сильные боли? Или, упаси Бог, снова кровь пошла?

— Нет, Агнесска, — спешу успокоить её. — У меня всё хорошо. Не суетись ты так.

— Тогда что? Зачем так спешно призвали? — Повитуха оборачивается. Взгляд её замирает на Софи, которая лежит у меня на руках. — С малышкой беда?

— Тыфу на тебя, Агнесска! — В сердцах выпаливаю я. — Не каркай! Софи здорова... — замолкаю и смотрю на дочь.

А здорова ли? Отмечаю, что последние несколько часов дочка ведёт себя беспокойно. Стоит мне положить её в колыбель, начинает плакать. Да и на руках ведёт себя беспокойно. Всё время куксится и дергает ножками...

— Так а чего позвали? — Повитуха недоумённо сверлит меня взглядом.

— Понимаешь, Агнесска, — начинаю ей объяснять, — из-за смерти барона у меня появилось много новых забот. Замку нужна хозяйка, да и баронством нужно управлять. — вижу, как повитуха понимающе качает головой и продолжаю, — а я даже не могу выйти из комнаты! Я боюсь доверить Софию кому-то из горничных. У них нет того опыта, в обращении с младенцами, какой есть у тебя. Поэтому прошу тебя, Агнесска, не откажи, стань няней для моей дочери! Хотя бы на первое время! — Складываю ладони домиком и с надеждой смотрю на повитуху.

Женщина удивлённо вскидывает брови, затем ухмыляется.

— А чего это я должна отказать? — Довольно улыбается, — кто же откажется задарма пережить зиму в тепле? Дрова нынче почти не укупишь, а здесь я буду в тепле, да сыта! К тому же рожениц сейчас под моим наблюдением нет. А значит и денег нет.

— Я буду платить тебе! — Выпаливаю не подумав, а потом вспоминаю, что дела в замке обстоят неважно и добавляю, — правда немного, но буду. — Надеюсь у управляющего найдётся ещё пару монет, чтобы оплатить работу Агнесски.

А завтра... Завтра я непременно переговорю с Бенедиктом и займусь поисками тех сбережений, которые должны были остаться после смерти барона. А то, что эти сбережения есть, я практически не сомневаюсь.

— Решено! — Повитуха разрубает воздух рукой. — Остаюсь!

Меня накрывает волна облегчения. Хоть с одной проблемой, но справилась. Отныне моя малышка будет под неусыпным контролем, а я смогу свободно перемещаться по замку.

— Жакотт? — Зову служанку, которая всё это время, словно тень стоит возле двери.

— Слушаю вас, госпожа, — девушка делает несколько мелких шажков вперёд.

— Приготовь комнату для Агнесски. Желательно рядом с моими покоями. Мне нужно, чтобы Агнесска могла прийти по первому зову.

Жакотт кивает и незамедлительно удаляется.

— Ну вот и славно, — говорю полушёпотом и пытаюсь укачать раскапризничавшуюся дочь. — Приступишь к своим обязанностям завтра с утра. А сейчас можешь идти, облагораживать своё новое гнёздышко.

— Да это всё обождёт, — машет рукой Агнесска. — Вижу что-то тревожит малышку. Давайте-ка, я её осмотрю.

Отдаю Софию Агнесске, отхожу в сторону и с тревогой наблюдаю, как повитуха начинает осмотр.

Она быстрым уверенным движением освобождает кроху от пелёнок, склоняется и ухом прижимается к телу Софии. Спустя пару минут удовлетворённо кивает и начинает мягкими круговыми движениями мять ей живот. Хмурится, а у меня сердце колотит от страха. Неужели моя дочь больна? Но, вскоре, повитуха оставляет в покое животик Софи. Она тщательно осматривает всё тело младенца, а затем умело заворачивает её обратно в пелёнки и возвращает мне дочь.

— Что с Софией? Она заболела? — С волнением спрашиваю и прижимаюсь губами ко лбу дочери.

Не дожидаясь ответа начинаю мысленно взывать к высшим силам, прошу об одном, лишь дочка была здорова. Судя по тому, что у повитухи даже нет стетоскопа, чтобы прослушать ребёнка, с медициной здесь просто беда. Если уж нет таких мелочей, то что говорить о лекарствах... В эффективность лечебных травок я как-то не верю.

— Не волнуйтесь, госпожа, — успокаивает меня повитуха. — Малышка вполне здорова. А с тем, что её беспокоит, мы справимся.

Непонимающим взглядом провожаю удаляющуюся повитуху. Агнесска куда-то уходит и возвращается спустя пару минут.

— Сейчас всё будет. — Ободряюще улыбается. — От опрелостей ещё никто не умирал.

— Опрелостей... — глухо констатирую факт.

Выходит, я виновата, что малышка испытывает дискомфорт? Но я же старалась как можно чаще менять дочке пелёнки! Видимо, всё же не доглядела.

— Вы, госпожа, не корите себя, — повитуха поглаживает меня по руке. — Откуда ж вы знали? Господь тому не обучают. — Агнесска разводит руками и грустно вздыхает. — Ну ничего! Теперь то я с вами! Всему научу, покажу как надо! А чтобы облегчить малышке страдания, у меня есть одна волшебная травка... — женщина берёт со стола пучок высушенной травы и показывает её мне. — Прекрасная вещь между прочим!

Я мало понимаю, чем в нашем случае, поможет трава. Но всё же послушно киваю. Повитухе лучше знать, чем успокоить Софи.

Вскоре в проходе появляется мужичок, который ранее чинил по моему приказу выбитую бароном дверь. Поклонившись, он входит, втаскивает за собой огромную деревянную бадью и ставит её в центре комнаты. Как только уходит слуга, приходят Жакотт и Мари, в руках у них по ведру горячей воды. Девушки выливают воду в бадью и уходят, но не проходит и пары минут, как они возвращаются, теперь уже с холодной водой. Это повторяется до тех пор, пока бадья не заполняется чуть больше чем на половину. И только после этого Агнесска отпускает служанок.

Затем повитуха растирает в ладонях травки и добавляет их в воду.

— А теперь, леди Катарина, давайте мне нашу маленькую госпожу. Купать её будем. — она забирает из моих рук дочь, оставляет на ней только одну пелёнку и бережно опускает в тёплую воду.

Малышка пищит и опасливо шурится. Но вскоре она привыкает к воде и распахивает свои большие глазёнки. Кричать тоже перестаёт. Не берусь утверждать по какой причине: то ли и впрямь травки волшебные, то ли купание помогло, облегчило боль.

Намытая и укутанная в чистую простыню София отправляется в колыбель.

— А теперь ваша очередь, госпожа, — произносит Агнесска, а видя мой вопрошающий взгляд, добавляет. — Вам тоже не помешало бы искупаться.

Опасливо смотрю на бадью: в такой, импровизированной ванной, мне мыться ещё не доводилось. Но соблазн, с головой погрузиться в тёплую воду, смыть с себя грязь, пот и чуждые запахи, слишком велик. С помощью Агнесски освобождаюсь от платья и аккуратно ступаю

в бадью. Тёплая вода обволакивает ноги, так и манит погрузиться в неё всем телом. Что я и делаю.

От наслаждения прикрываю глаза. Какое же это блаженство. Чуть ли не мурчу от удовольствия.

Повитуха подаёт мне кусочек мыла и указывает на волосы. Беру из её рук обмылок и намыливаю свою гриву волос, затем с головой погружаюсь под воду.

Проходит секунда, две... пять... Чувствую, как Агнесска тянет меня на поверхность. Выныриваю и отфыркиваюсь от воды.

— Ну, леди Катарина... — повитуха недовольно качает головой. — Выходите уже! Застудитесь!

С неохотой, но всё же встаю. Агнесска тут же заворачивает меня в простыню и подталкивает к кровати. С готовностью забираюсь под одеяло. Чувствую себя обновлённой. Готовой к новому, непростому, этапу в жизни. А то, что будет непросто, я уже поняла.

Решаю, с самого утра, как только забрезжит рассвет, переговорить с управляющим. Пора навести в замке ревизию. Разобраться, почему в баронстве нет дров и еды. А главное, нужно понять где барон хранил свои деньги. Ведь на что-то он вёл свою разгульную жизнь?

Но планам не суждено было сбыться. Проснулась я не от первых лучиков солнца, а от того, что кто-то бесцеремонно трясёт меня за плечо. Распахиваю глаза и вижу перед собой испуганное лицо Жакотт.

— Что ты себе позволяешь, Жакотт? — Скидываю её руку с плеча.

— Леди Катарина! Вставайте! — Служанка чуть ли не плачет.

— Что случилось?

— Прибыл казначей его Величества. Мытаря не послал, а сам лично прибыл! А это значит, — служанка шмыгает носом, — значит... плохо всё. Прошу вас, пойдёмте, госпожа, он ждёт вас внизу.

Глава 18

Стоит услышать, что в замок прибыл посланник от самого короля, остатки сна сами по себе улечиваются.

— Подай мне чистое платье!

Приказываю служанке и торопливо выбираюсь из-под одеяла.

Жакотт бросается к шкафу и достаёт из него копию моего вчерашнего платья: тот же фасон, цвет и всё та же грубая ткань. Жаль, но выбор у меня невелик. Надеваю что есть.

— Беги скорей за Агнесской!

Машу девушке на дверь, а сама беру гребень и пытаюсь разодрать те колтуны, которые образовались во время сна.

Меня всю трясёт от волнения и сердце неприятно сжимает от щемящего чувства тревоги.

Мысли лихорадочно мечутся: кто такой мытарь — не знаю, а вот о казначее слышать мне доводилось.

Знаю, что этот тип имеет непосредственное отношение к казне самого короля...

Но что он забыл здесь? С какой целью пожаловал?

Ну не денег же дать обедневшему баронству?

Неужели Жакотт права, и его приезд сулит нам очередные проблемы?

"Спокойствие... Только спокойствие!" — Мысленно твержу себе. — Как бы там ни было, с какими вестями бы казначей ни приехал, я должна вести себя так, как вела бы себя настоящая баронесса.

Баронесса, которая вправе сама распоряжаться собственной жизнью. Которую не пугают трудности. И которая всегда добивается целей.

Я просто не имею права показать ему или кому либо ещё своего страха. Иначе сожрут. Отберут баронство или ещё хуже - выдадут замуж! Я уверена, стоит дать слабину и не видать мне никакого светлого будущего".

Жакотт сопровождает меня вниз, где у подножия лестницы меня уже ждёт Бенедикт. Управляющий не выглядит испуганным или взволнованным. Его лицо вообще не выражает никаких эмоций. Впрочем, как и всегда. Он ведёт себя так, словно приезд казначея для него вполне обычное дело и ничего пугающего он в нём не находит.

— Пройдёмте, леди Катарина. — Бенедикт указывает мне на проход под каменной аркой. — Казначей и его спутники ожидают вас в малой гостиной, — совершенно спокойно добавляет он.

Его уверенность заразительна, и я беру себя в руки.

Выпрямляю плечи, гордо вздёргиваю подбородок, унимаю дрожь в пальцах и уже неспешно, а грациозно, как и положено ходить знатным дамам, следую за Бенедиктом.

За всё то время, что пребываю в замке, я впервые покинула комнату. Пока иду, бегло осматриваюсь. Впрочем, рассматривать-то особо и нечего. Идти мне приходится по грязному, давно не метённому полу. Вокруг всё те же серые стены, в нишах которых горит по свече. Их тусклый свет не даёт возможности как следует оценить обстановку. А то, что вижу удручает своей неухоженностью и однообразием.

Никакой роскоши, вычурности или изящности, достойной моему положению, не наблюдаю.

Вся мебель в замке массивная, практичная, сделанная на века. На её поверхности пыль, разводы от сажи и чёрный нагар от свечей.

Сразу же возникает вопрос, когда в замке последний раз убрали?

Исхожу из увиденного: очень давно.

Но времени устраивать разнос слугам нет. Займусь этим завтра. Вернее, уже сегодня. Бенедикт скрывается под сводами арки. Прибавляю шаг, чтобы не отстать от него.

Миную арочный проход и непроизвольно застываю на месте. Это помещение разительно отличается от предыдущего...

Оно огромное и ярко освещено...

Сотни свечей в позолоченных канделябрах испускают мягкий рассеянный свет.

Завороженно прохожусь глазами по интерьеру.

Первое, что бросается в глаза, - это широкий длинный стол посреди помещения. По обоим концам стола стоят стулья с высокими спинками, а по бокам расставлены тяжеловесные табуреты старинной работы.

Одна из стен полностью завешена гобеленом, а в другой, противоположной ей, расположен огромных размеров камин. Жаль, не горит. Не мешало бы просушить и прогреть эту залу. Ведь, скорее всего, именно из-за того, что камин в замке разжигают только зимой, в помещении стоит затхлый запах сырости.

Хочется впустить в помещение хоть толику чистого воздуха, но для этого придётся распахнуть те несколько окон, которые я заприметила во внешней стене.

Не сейчас. Не время... Подавляю порыв и устремляюсь к зажавшемуся меня Бенедикту.

Управляющий стоит у закрытой двери, рядом с ним Жакотт, Мари и даже Адель.

Девушки дрожат от испуга, а повариха нервно мнёт свой белоснежный чепец в руках.

"Так себе группа поддержки".

Ухмыляюсь и подхожу к ним.

— Вам сюда, госпожа. — Бенедикт протягивает руку, чтобы распахнуть дверь, но я слегка касаюсь его плеча и качаю головой.

— Не спеши, Бенедикт, — тихо произношу. — Дай мне собраться.

Тот страх, что я ранее смогла в себе подавить, вернулся с удвоенной силой.

Меня пугает не сам казначей, а страшит неизвестность. Что ждёт меня по ту сторону двери? Какой он, этот самый посланник короля? Скорее всего, напыщенный, самовлюблённый индюк, который, как и барон, считает, что женщина должна лишь рожать. И то молча.

Прикрываю глаза, глубоко вдыхаю и выдыхаю. Убеждаю себя, что бояться мне нечего.

Считаю до трёх, открываю глаза и толкаю дверь от себя. Вхожу в небольшое круглое помещение.

Взгляд сразу же находит тех, кто потревожил мой сон.

Четверо юношей в дорожных одеждах стоят возле стены. Молодые люди выглядят уставшими и потрёпанными долгой дорогой. Они настолько погружены в себя, что даже не замечают меня.

Пользуюсь этим и продолжаю рассматривать их. Пытаюсь разглядеть среди них самого казначея. Но все они настолько юны и неброско одеты, что я оказываюсь в замешательстве. Не верю, что один из них тот - кого я должна опасаться.

Через пару минут понимаю бессмысленность своего поведения. Хочешь не хочешь, но мне придётся заговорить.

— Доброй ночи вам, господа! — Громко произношу и ступаю немного вперёд.

Парни синхронно вскидывают головы, затем кланяются и... В этот момент, краем глаза, улавливаю движение с правой стороны от себя. Резко оборачиваюсь и вижу, как от окна отделяется ещё одна мужская фигура. Пытаюсь рассмотреть пятого гостя, но свет от свечей не попадает в ту часть помещения. Остаётся только ждать, когда он выйдет на свет.

И как только это случается, сразу же понимаю - это и есть казначей.

Мужчине лет сорок, не больше. Он высок и чертовски красив. На нём роскошный камзол и штаны с галунами.

Казначей доходит до центра залы и замирает.

Слегка склонив голову, он оценивающе скользит по мне взглядом, а я внимательно наблюдаю за ним. Вижу, как чувственные губы мужчины брезгливо кривятся, когда взгляд доходит до платья, но он мастерски берёт себя в руки. Теперь вместо брезгливости на его губах играет вежливая, чарующая улыбка.

Но меня не так-то просто обмануть. К тому же поздно! То что нужно уже увидела. Брезгуем значит? Не та роскошь к которой привыкли? А вас сюда и не звали. Сами припёрлись! Ещё и рожи кривят...

Чувствую, как волна гнева полностью сметает весь страх. Хочется сказать что-нибудь этакое, что заставит казначея сбежать.

Но...

Не могу. Я всё – таки баронесса и должна следовать правилам этикета.

Придётся снова строить из себя воспитанную леди.

Делаю крохотный шагочек вперёд и останавливаюсь напротив мужчины. Смотрю ему прямо в глаза.

Пытаюсь понять с чем пожаловал: с добром или злом?

Спустя пару секунд отбрасываю эту пустую затею. Понимаю, что зря трачу время: в холодном цепком взгляде казначея невозможно что - либо прочесть.

— Баронесса Осборн! — Мужчина едва заметно кивает головой в знак приветствия. — Прошу прощения, что пришлось поднять вас с постели, но вопрос, по которому король послал нас сюда, не терпит отлагательств.

— Что-то случилось, господин... ?

Делаю паузу, давая мужчине возможность представиться.

— Прошу простить меня, баронесса. — Мужчина прикладывает руку к груди. — Я Ричард Б`Йорд. Казначей его величества.

— Приятно познакомиться с вами, господин Б`Йорд. — Вежливо улыбаюсь. — Моё имя вы знаете. Не так ли?

— Конечно, баронесса Осборн. — Казначей протягивает в мою сторону руку. — Присядем?

Указывает на небольшой диван.

Вкладываю свою ладонь в его лапищу и покорно ступаю за ним. Присаживаюсь на самый край. Стараюсь держаться подальше от казначея. Не дай бог запачкаю его дорогой наряд.

— Так что же привело вас в моё баронство?

Глава 19

— Прежде чем сообщать цель своего приезда, я хочу выразить вам свои искренние соболезнования по поводу смерти барона. Уверяю вас, как только вернусь во дворец, сразу же пошлю в баронство лучшего дознавателя. Мы непременно выясним, кто посмел с такой жестокостью отнять жизнь вашего мужа.

Хочется сказать, что всё это лишнее. Что не стоит так расплываться ради почившего изверга. Барон получил то, что заслуживал...

Ах, если б я знала, кто вспорол супругу живот, премию бы прописала...

Хочется произнести, но вместо этого, я лишь скорбно вздыхаю и уныло киваю. Делаю вид, что соглашаюсь с каждым словом мужчины.

— Такая трагедия! — Продолжает негодовать мой собеседник, — возможно, барон был бы жив, прибуди мы на день раньше. Но, к сожалению, нам пришлось переждать бурю в одном из придорожных клоповников. Ужасная непогода заставила нас задержаться...

Господи, что он несёт?

Понимаю, что эти бессмысленные вежливые разговоры могут продолжаться ещё долго.

Решаюсь перебить казначея.

— Я принимаю ваши соболезнования, господин Б'Йорн, но не могли бы перейти сразу к цели своего визита?

Мужчина, судя по его виду, не привык к подобному поведению женщин. Он изумлённо выгибает брови и внимательно изучает меня.

— Ваши спутники валяются с ног от усталости, — спокойно объясняю ему свою наглость. — Вы все, утомлены дальней дорогой. Вам нужен отдых. Да и меня в покоях ждёт новорожденная дочь. Поэтому не вижу смысла в пустых беседах. Предлагаю перейти сразу к делу. Я хочу знать цель вашего приезда.

Казначей моментально преображается. Улыбка спадает с губ, взгляд становится хищным и вся его скорбь мгновенно сходит с лица.

Он ухмыляется и произносит.

— Значит слухи, что ходят про ваши отношения с бароном за пределами баронства, всё же верны. Признаюсь, я до последнего не верил в них. — Уголки его губ ползут вверх в хищной улыбке. — Что ж, я рад, что мне не придётся переживать ваши стенания. Терпеть не могу все эти бабские слёзы. Просите перейти сразу к делу? — Казначей взмахом руки подзывает одного из парней, тот подбегает и вручает ему свёрнутый в трубочку лист пергамента. — Я полностью поддерживаю ваше стремление как можно скорей завершить эту поездку.

Он начинает разворачивать лист, при этом продолжает смотреть на меня.

Его пристальный взгляд пробирает меня до мурашек, заставляет ёжиться, словно от холода.

Неожиданно он откладывает в сторону наполовину развёрнутый лист.

Недоумённо провожаю глазами бумагу, затем возвращаюсь к самому казначею.

— Меня посетила одна мысль... — Он придвигается чуть ближе ко мне и шёпотом добавляет: — Раз между вами с бароном не было пылких чувств и, судя по слухам, он измывался над вами... Не вы ли убили собственного супруга?

Удивлённый возглас непроизвольно срывается с губ.

— Что вы себе позволяете? — Громко шепчу в ответ. — Смею доложить вам, что в ту ночь, когда барон был убит, я сама едва не погибла. От кровопотери. У меня были слишком тяжёлые роды. И даже при всём желании я бы не смогла этого сделать!

— Хм... — казначей хмурится, но вскоре ехидная улыбка появляется у него на губах. — По пути в ваше баронство, мне довелось увидеть немало разбойников. Вы могли кого-то нанять. Заплатить им и тем самым избавиться от неугодного мужа.

— Вы действительно считаете, что у меня были на это деньги? — Смеюсь и машу на казначея рукой. — Бросьте! Мой обожаемый супруг ни монеты мне не давал. Или вы сомневаетесь в этом?

Взгляд казначея падает на моё платье, исследует небрежно собранные волосы и останавливается на бледном лице.

— Ваша взяла. — Он отодвигается обратно. — Я верю вам. Значит, придётся всё же посылать дознавателя.

— О нет, не стоит! — Выпаливаю, не подумав.

Слишком расслабилась. Но слово не воробей, вылетит не поймаешь. Пришлось продолжать.

— Как вы должны были заметить, я не слишком-то опечалена сей утратой. — Вижу, как казначей вновь усмехается и согласно кивает. — Так зачем ворошить прошлое?

— И в этом вы правы, госпожа Осборн. — Мужчина задумчиво хмурится. — Возможно, так даже лучше.

— О чём вы?

— Вы спрашивали про цель моего визита? — Казначей вновь берёт в руки пергамент, но не разворачивает его, а просто сжимает в руке. — Ваш почивший супруг уже несколько месяцев не вносил налоги в казну. Он задолжал королевству немалую сумму. Мы неоднократно предупреждали барона о последствиях, но он игнорировал наши послания. Поэтому монарх решил действовать жёстко, а я самолично приехал к вам, чтобы огласить его волю. — Казначей указывает на пергамент в своей руке. — В этом документе...

Казначей выдерживает многозначительную паузу, словно желает помучить меня. У него это прекрасно удаётся. Внутри меня всё сжимается от плохого предчувствия и я не выдерживаю.

— Не молчите же! Что в этом документе?

— Здесь приказ о немедленном изъятии долга. А также решение, что баронство возвращается под полный контроль короля. С вашего мужа снят титул барона, а самого его при отказе платить, приказано арестовать и доставить в королевскую тюрьму.

От ужаса ахаю и прижимаю пальцы к губам.

Получается, я больше не баронесса? Замок и баронство теперь принадлежат королю?

Нет, то что баронство и так принадлежит королю, я знала и раньше. Но я, по крайней мере, могла управлять им. А теперь... Что с нами будет теперь? Меня тоже в тюрьму? А Софи? Что будет с дочерью?

— Так что барон даже вовремя умер, — добавляет мужчина. — Из увиденного и услышанного по пути в баронство я сделал выводы, что у него не было тех средств, которые нужно внести в казну короля. А это значит, тюрьма ему была обеспечена. Если бы передо мной поставили выбор: смерть или тюрьма... На его месте я выбрал бы смерть.

Каждое слово казначея всё больше пугает меня. Всё оказывается намного хуже, чем я представляла себе.

— Что теперь будет с нами? — Едва шевеля губами, спрашиваю у казначея. — Какая участь уготована нам? Мне и дочери? Неужели нас тоже...

Замолкаю, не в силах произнести вслух то, что у меня на уме.

Глава 20

— Ну что вы, баронесса! — Тихий смех вырывается из груди казначея. — Наш король не настолько жесток, чтобы заключать вас под стражу. Уверяю вас, ни вы, ни ваша дочь не понесёте никакого наказания.

Облегчённо выдыхаю, но смутное чувство тревоги продолжает копошиться в душе.

Не верю, что король простит нам долги. Уверена, подводные камни есть, и мне жизненно необходимо как можно скорее узнать про них.

— Господин Б'Йорн, я желаю лично прочесть приказ короля. Хочу убедиться, что наших с дочерью имён действительно нет в этой бумаге.

Тянусь к пергаменту, но мужчина перехватывает мою руку и подносит к губам.

С растерянностью наблюдаю, как он оставляет лёгкий, едва ощутимый поцелуй на тыльной стороне ладони, затем отпускает мои пальцы и берёт в руки приказ.

— Зачем это вам? — Вкрадчиво тянет. — Вы не доверяете словам самого казначея? Повторюсь, вы не станете отвечать за грехи своего мужа. К тому же, раз барон мёртв, то и приказ теряет всякую силу. — Казначей разрывает бумагу и сминает её в кулаке. — Отныне вы и ваша дочь находитесь под защитой его величества. А баронству будет представлен новый хозяин.

Закусываю губу, чтобы не вспылить и не послать казначея туда, откуда он прибыл, вместе с новым хозяином. Понимаю, что криками ничего не добьюсь. Нужно действовать немного иначе.

— Вы хотите сказать, что король найдёт мне нового мужа?

Спокойно произношу, а у самой в душе полный раздрай.

— Если только вы этого захотите. Его величество не станет насильно принуждать вас к повторному браку.

— А если я не хочу выходить замуж, но хочу продолжить жить в замке? Что будет со мной в этом случае?

— Хм... — Казначей хмурится. — Вы ведёте себя так, как вела бы себя в вашем случае невинная дева, а не как умудрённая опытом женщина. Вам должно быть известно, что происходит с теми, кто отказывается выполнять волю монарха.

Возможно, прошлой баронессе было это известно. Но я не она. Я вообще ничего не знаю об устоях этого мира. Но не сообщать же об этом тому, кто действует в рамках закона.

— Я знаю. — Напускаю на губы чарующую улыбку. — Но хочу услышать это из ваших уст. Возможно, за то время, что я проживаю в этой глуши, многое изменилось. Те же законы... — начинаю я, но увидев, что казначей качает головой, отрицая мои домыслы, замолкаю, а спустя пару секунд с полной безнадёжностью в голосе добавляю: — Неужели не предусмотрено никаких снисхождений для вдовствующих баронесс?

— К сожалению нет, леди Катарина. Время идёт, а законы всё прежние. — Мужчина тяжело вздыхает, словно ему самому претит всё это. — Если вы не желаете повторно выходить замуж, вас вместе с дочерью сошлют в ближайший монастырь. Вы проведёте в нём оставшуюся жизнь, а ваша дочь по достижении ею совершеннолетия будет выдана замуж.

Вот же гад гадский! О таком я даже помыслить не смела!

А как говорил-то... Король не станет наказывать, не станет принуждать. Ага! Щас! Получите и распишитесь! Король просто сошлёт вас в монастырь... Всего-то!

Мда... Не о такой я жизни мечтала. Не такого будущего хотела для своей дочери.

— Но у меня должен быть год! — Решаю, что это моё единственное преимущество. — Я должна нести траур. Я имею право на это время. Я хочу, как тому подобают традиции, оплакать

смерть своего супруга. Даже король не имеет права заставлять выходить меня замуж в течение этого года! Так гласит ваш закон!

— Вы правы, баронесса. — Казначей усмехается. — Но кто помешает ему, назначить для вас опекуна? Кто-то же должен навести в баронстве порядок. Казна теряет немалую прибыль от простоя ваших земель. Это недопустимо и вы должны это понимать.

Глава 21

Неожиданная идея просто взрывает мой мозг.

— А если я погашу долг перед казной? — говорю убедительно, словно у меня прямо сейчас есть эти деньги. — Весь долг! И продолжу в течение года исправно выплачивать все налоги... В этом случае вы избавите меня от присутствия в замке опекуна?

Казначей заходится смехом, но мне отнюдь не смешно. По мне, так это идеальный выход из положения.

Я уверена, что хоть какие-то сбережения, но остались после смерти барона.

Просто мне пока о них неизвестно.

Но я обязательно найду их! Даже если для этого мне придётся разобрать замок по камню!

— Зачем вам это? — выдавливая из себя мужчину, как только перестает смеяться. — Что вам это даст?

— Свободу! — не раздумывая ни секунды, отвечаю ему.

Взгляд казначея становится серьёзным как никогда.

— Ради свободы вы готовы пожертвовать теми крохами, что имеете?

— Да, господин Б'Йорд. Я готова на это. И скажу вам честно, я готова на большее, можно даже сказать на всё, лишь бы избежать очередного замужества либо приезда опекуна.

Лицо казначея удивлённо вытягивается.

— Вместо того, чтобы закупить себе новых нарядов... А именно так на вашем месте поступила бы любая другая женщина... Вы готовы отдать последние сбережения лишь бы в замок не присылали опекуна?

Киваю.

— Признаюсь, я удивлён. — Казначей отводит взгляд в сторону и начинает нервно стучать пальцами по колену. Спустя пару минут, он поднимает глаза на меня. — Предположим, что я соглашусь...

Непроизвольная улыбка заиграла у меня на губах.

Увидев её, мужчина качает головой.

— Рано радуетесь, баронесса. — Холодно произносит он, остужая мой радостный пыл. — Я сказал "предположим", а не то, что согласен. В любом случае, вы хоть понимаете о какой сумме идёт речь?

— Все дела в баронстве вёл барон, — слегка пожимаю плечами. — Сумма мне неизвестна, но я готова её оплатить.

Казначей прожигает меня тяжёлым изучающим взглядом.

— Шестьдесят золотых — это долг барона за три месяца. Плюс вам пора внести налог за следующий месяц. В общем, получается 80 золотых.

Казначей обрушивает на меня сумму задолженности.

Едва сдерживаю себя, чтобы не присвистнуть от удивления. С трудом верю, что найду такую сумму. Решаю продолжать блефовать, а там разберёмся.

— Вы готовы передать мне эти деньги прямо сейчас?

Мужчина вопрошающе изгибает брови.

— Да... То есть нет... Мне нужно время, чтобы собрать эти деньги!

— У вас нет времени, баронесса Осборн.

— Но ведь барону вы предоставляли отсрочку! — Не выдерживаю напряжения, подскакиваю с дивана и начинаю мерить шагами пространство рядом с софой. — Если вы дадите мне хоть немного времени... Обещаю, я выплачу весь долг! Прошу вас!

Останавливаюсь напротив мужчины и в умоляющем жесте складываю перед ним ладони.

Вижу, что мне удалось разжечь интерес в казначее. Он с интересом наблюдает за мной.

Меня же радует, что он сразу не отказал, а тщательно обдумывает моё предложение. Решаю дожать аргументами.

— Только представьте, пока вы найдёте опекуна, пока он прибудет сюда, пока соберёт подати... И ещё не факт, что соберёт! Крестьяне сейчас переживают не лучшие времена! — Вновь присаживаюсь на диван, набираюсь наглости и беру казначея за руку. — Вы ведь умный человек, господин Б`Йорд. Вы должны понимать, что отказав мне, теряете выгоду. Опекун не вернёт долг. А я предлагаю вам в течение... месяца! Выплатить весь долг и плюсом внести в казну новый налог!

Я замолкаю и с надеждой взираю на казначея. По его лицу вижу, что мужчину обуревают сомнения. Он то хмурится, то одобрительно качает головой. Судя по всему, в его голове сейчас творится что-то невообразимое.

— Семь дней! - наконец выдаёт он. — Я даю вам семь дней на уплату долга казне.

— Двадцать! — Твёрдо выпаливаю. — Двадцать дней и золото будет у вас!

Мужчина насмешливо усмехается.

— Баронесса Осборн, вы торгуетесь, словно базарная баба!

Выплёвывает он.

Но мне плевать, что он думает обо мне, главное - чтоб согласился.

Неожиданно казначей широко улыбается и добавляет:

— И чёрт вас побери! Мне это нравится! Теперь я действительно вижу, что вы готовы пойти на всё! Я дам вам эти двадцать дней, но если по истечении срока золота не будет в казне, я лично сопровожу вас в самый захудалый монастырь нашего города.

— Ну уж нет, господин Б`Йорн, — качаю головой. — Я не доставлю вам такой радости...

Глава 22

— Леди Катарина, вам бы ещё поспать. — Обеспокоенно произносит Агнесска. — Почти всю ночь на ногах провели...

Женщина укоризненно качает головой.

— Не могу Агнесска. Желаю увидеть господина казначея до его отъезда...

— Так отбыл уже, — перебивает меня повитуха. — С первыми лучами солнца покинул баронство.

Вот как?

Перевожу взгляд на окно, за которым едва начинает заниматься ранний рассвет.

Хмм... Странно... Ночью казначей ни словом не обмолвился о таком раннем подъёме. Наоборот, он охотно согласился на моё предложение провести оставшуюся ночь в одной из гостевых комнат, объясняя это тем, что его люди очень устали, да и он сам, просто валится с ног.

Пришлось в срочном порядке подготавливать покои для неожиданного гостя. Благо спутников своих он велел разместить в крыле для слуг. Заняться их размещением вызвался Бенедик, а Жакотт и Мэри было велено заняться комнатой для казначея.

И пока служанки в скором порядке избавлялись от залежей пыли, протапливали камин и меняли бельё на господской кровати, мне пришлось выслушать огромное количество нравов-учений. Казначей красочно описал положение дел в баронстве.

И если верить его словам — дела наши были плачевны.

Но, несмотря на это, я осталась стоять на своём. Потерпев неудачу, не сумев переубедить меня и не добившись согласия на приезд в замок опекуна, казначей сдался и, не забыв напомнить про срок уплаты долга казне, удалился в отведённые для него покои.

Только тогда я смогла с облегчением выдохнуть и вернуться к себе, где меня уже ждалась голодная Софи. Накормив дочь, я прилегла на кровать и забылась тревожным сном. Казалось тело спало, а мозг продолжал усердно работать. Я искала его... Золото... Словно наяву бродила по тёмному замку, заглядывала в самые потаённые его уголки, но... Ничего не находила.

Из сна меня вырвала аккуратная поступь рядом с кроватью. Распахнув глаза, увидела повитуху. Женщина меняла пелёнки Софии. Увидев, что разбудила меня, Агнесска засетовала и попыталась уговорить меня остаться в кровати.

Но какой уж тут сон. Пора было действовать. Для начала я хотела проводить казначея и его спутников, а уж затем переговорить с управляющим. Но, как оказалось, господин Б`Йорн решил всё за меня.

Интересно, что же сподвигло казначея к такому спешному бегству?

Впрочем, мне всё равно этого не узнать, так что не стоит забивать свою голову очередными вопросами.

— Госпожа? — Голос Агнесски вырывает меня из раздумий.

Поворачиваюсь к ней и вижу в её руках кусочек бумаги, который она протягивает мне.

— Бенедикт принёс это сразу же после отъезда господина. Он велел передать письмо вам.

Подвоха от управляющего не ожидаю и без раздумий беру свёрнутый лист бумаги. Разворачиваю его и бегло прохожусь глазами по строкам.

"Баронесса Осборн, прошу простить меня за то, что пришлось так скоро покинуть вас. Но я подумал и принял решение, что вернусь в замок Мотт-энд-Бейли ровно через двадцать дней. Хочу лично насладиться вашим поражением. Удачи вам Катарина. Уверен она вам потребуется."

Ричард Б`Йорд"

Ниже идёт приписка.

Если вы всё же передумаете, отправьте гонца во дворец. Я незамедлительно займусь поисками опекуна. Ваш замок требует ухода. Основательной чистки. Только представьте, сегодня ночью в своей постели я обнаружил клопа! А они, между прочим опасны!!! Подумайте о своей безопасности и о здоровье своей дочери...

Перечитываю послание ещё раз, вникаю в каждое слово и.... нервно хихикаю.

Теперь стало понятно, что сподвигло казначея уехать. Властный мужчина испугался... клопа?

Плечи затряслись от беззвучного смеха, от слез защипало глаза.

— Госпожа! — Агнесска обеспокоенно приближается. — С вами всё хорошо?

— Ой... Агнесска... — Машу на неё рукой и продолжаю смеяться. — Ой, не могу. Просто умора...

Когда смех отпускает, смахиваю слёзы с ресниц, сминаю листок и бросаю его в горящий камин.

Бумага моментально сгорает, но из головы не уходят строки письма.

"Хочу лично насладиться вашим поражением..."

Ни за что и никогда. Я лучше сдохну, но не доставлю вам такого удовольствия, господин казначей!

"Подумайте о своей безопасности и о здоровье своей дочери..."

Именно об этом я постоянно думаю! И наша жизнь сейчас зависит отнюдь не от клопов... Но и от них я избавлюсь. В самые кратчайшие сроки. И не потому что боюсь. Хочу утереть нос казначею. Этот изнеженный, привыкший к довольствию и роскоши, чересчур ранимый мужлан ещё увидит на что способна русская женщина.

Главное — её разозлить...

— Агнесска, помоги мне одеться. — Прошу повитуху, не хочу тратить бесценное время на поиски горничной. — Ты знаешь где сейчас Бенедикт?

Нахожу Бенедикта у подножия лестницы.

Пока спускаюсь вниз, внимательно осматриваю своего управляющего.

Впервые за всё то время, что мы знакомы, вижу - мужчина чем-то взволнован.

Неужели ещё что-то случилось? Не многовато ли потрясений на одну-то меня?

— Бенедикт, вас-то я и искала, — делаю вид, что не замечаю его встревоженности. — Я хочу как можно скорее обговорить с вами происходящее в замке. И в самом баронстве тоже.

— Госпожа... — Бенедикт склоняется в приветственном поклоне и не поднимая головы добавляет. — Я шёл к вам с той же целью.

— Прекрасно! Пойдёмте.

Прохожу мимо него и направляюсь в ту залу, которая ночью так сильно впечатлила меня.

Вхожу в обеденную и направляюсь к окну. Хочу впустить в этот замок хоть толику свежести. Распахиваю створки окна и глубоко вдыхаю прохладный утренний воздух.

— Я слушаю вас Бенедикт.

Произношу, а сама с интересом рассматриваю то, что всё это время было скрыто от меня за грязным окном.

Глава 23

Окна моей обеденной залы выходят напрямиком на внутренний двор.

По мне так глупо. Вместо того чтобы любоваться на красивые пейзажи за окном во время еды, я должна буду взирать на чьи-то постиранные портки, развешанные по верёвкам.

Зато как практично. Можно не покидая пределов замка наблюдать за работой прислуги. А судя по бесчисленному количеству деревянных строений, возвышающихся чуть в стороне - там должна кипеть жизнь.

Но в данный момент на улице, да и в самом замке стоит звенящая тишина.

Объясняю себе это тем, что ещё раннее утро и именно по этой причине, и только по ней, не слышно ни людских голосов, ни крика животных, ни даже пения птиц.

Убеждаю себя в своей правоте, а на душе кошки скребут. Складывается ощущение, что баронство действительно умерло.

Тревожно-то как...

Неожиданно, словно мне в утешение, тишину разрывает громкий крик петуха.

Я довольно прищуриваюсь.

Значит хоть какая-то живность имеется. Это уже хорошо. Есть шанс не погибнуть от голода.

Упираюсь руками в холодные камни и слегка подаюсь телом вперёд.

Вижу, что мой двор — это не месиво грязи, а чистая, вымощенная каменными булыжниками площадка в центре которой расположен колодец. Рядом с ним примечаю круглый нагар от костра. И, судя по стоящим рядом железным бадьям, здесь проходит грандиозная стирка. Получается, прачка особо не заморачивается, стирает прям у колодца?

А воду? Грязную воду куда? Неужели тут же сливают? Безобразие...

Качаю головой и перевожу взгляд на массивную каменную стену. Эта громадина возвышается сразу же за постройками и уходит куда-то в туман. Значит баронство находится под надёжной защитой...

Это не может не радовать.

Очередной холодный порыв ветра заставляет меня поёжиться и зябко передернуть плечами. Не могу позволить себе простудиться, поэтому отхожу от окна и присаживаюсь на один из стульев.

Меня настораживает, что Бенедикт, несмотря на моё дозволение говорить, продолжает молчать.

Его внимательный, изучающий взгляд обращён на меня.

Камердинер почившего барона, а отныне мой управляющий, настолько погружён в себя, что даже не замечает мой ответный пристальный взгляд.

Он продолжает глазеть на меня так, словно хочет проникнуть в самую душу. Раньше Бенедикт никогда не позволял себе такого. Неужели всё настолько серьёзно?

— Бенедикт! — Громко произношу и подавляю улыбку, когда управляющий испуганно вздрагивает. — Я слушаю вас.

— Прошу простить меня, госпожа.

Мужчина вновь холоден и равнодушен.

Но я же вижу, что его что-то гнетёт!

Интересно, что?

Но вместо того, чтобы как можно скорее избавить себя от груза и перевалить его на меня, Бенедикт продолжает молчать.

— Ну же, Бенедикт. Говорите уже! — Теряю терпение и поднимаюсь со стула. — У меня нет времени на пустое молчание! — Подхожу к управляющему и ловлю его взгляд. — Ах...

Я поняла. Вы боитесь ещё больше расстроить меня? Напрасно! Хуже чем сейчас уже быть не может. Моё баронство разорено. Замок погряз в грязи. Продуктов практически нет. А ещё этот долг казне, который я должна выплатить в течение двадцати дней! — Нервно всхлипываю и глухо добавляю: — В общем я в полной зад...

Вовремя прикусываю язычок и замолкаю, но судя по тому, как сужаются глаза управляющего, он понимает, что я имею в виду.

Понимает, но не подаёт виду.

— Вы правы, леди Катарина, — безэмоционально подтверждает он. — Ваши дела хуже некуда. Я до последнего надеялся, что в замок прибудет поверенный. Но, к сожалению, этого не случилось. Барон не оставил вам никакого наследства. У вас больше нет денег, госпожа Осборн. Вы не сможете выплатить долг казне. Не сможете выплачивать жалованье слугам. Боюсь, вам не пережить эту зиму. Вам стоило бы согласиться на предложение казначея.

Ах, вот оно что! Неужели казначей постарался? Решил, что управляющий сможет повлиять на меня?

— Я конечно не вправе, но всё же советую вам...

— Вот именно Бенедикт! — Перебиваю его. — Вы не вправе! Я решаю, как будет лучше для меня и моей дочери! К тому же я уже приняла решение! И менять его не собираюсь!

— В таком случае я хотел бы сложить с себя полномочия управляющего и в ближайшее время покинуть замок.

Вот значит как... Крысы бегут с тонущего корабля? Скатертью дорога! Или надеется, что стану уговаривать его остаться? Вот ещё! Зачем нам такие, которые в любую минуту могут предать.

Но всё же где-то в глубине души, я понимаю, что мне до безумия жалко терять такого ценного кадра. Ведь Бенедикт тот, кто знает обо всём, что творилось до моего появления в замке. Он был правой рукой барона, а значит должен знать всё о жизни своего господина.

Нет. Ни в коем случае нельзя его отпускать. Пока нельзя.

— А вот это ваше право! — Смериваю управляющего осуждающим взглядом. — Вы можете катиться на все четыре стороны. Но! Я отпущу вас только после того, как вы выполните свои прямые обязанности! Во – первых, — выставляю руку вперёд и показательно загибаю один из пальцев, — вы дадите полный отчёт по состоянию дел в баронстве. Во – вторых, — вход идёт второй палец. — Покажете мне всю бухгалтерию, что вели до смерти барона. Я должна убедиться, что вы не утащите с собой ни единой монеты! — Игнорирую возмущённый взгляд Бенедикта и загибаю третий палец. — И в – третьих! Объясните мне, почему крестьяне не платят налоги. Почему наши поля зарастают бурьяном? Почему народ голодает? Да в конце концов, почему в замке нет дров!

Срываюсь на крик.

— Вы управляющий! Вы должны были следить за порядком! А вместо этого... Вот! — Провожу рукой по столу и показываю Бенедикту слой грязи на пальцах. — Как вы это допустили?

— Приказ барона... — начинает Бенедикт, но я не даю ему договорить.

— Я не желаю больше слышать о приказах барона! Его больше нет! Есть я — баронесса Осборн! И я — хозяйка этого замка! Я не намерена жить в грязи, а уж тем более спать с клопами! Хотите вы того или нет, но я наведу здесь свои порядки! Немедленно соберите всех слуг! Я хочу лично познакомиться с этими зас...Эмм... Неряшливыми особами!

— Как скажете, госпожа.

Бенедикт уходит так быстро, что меня начинают грызть опасения - а не сбежал ли?

— Ты решил так подшутить надо мной Бенедикт? — Упираю руки в бока и поворачиваюсь к управляющему. — Если так, то это ты зря.

— Ни в коем случае, госпожа. — Управляющий боязливо отступает на шаг. — Это вся прислуга, что работает в замке.

Сказать, что я удивлена? Да я просто шокирована! Теперь понятно, почему в замке так тихо и отчего здесь так грязно.

В который раз пробегаюсь взглядом по помятым со сна, испуганным лицам прислуги: Жакотт, Мари, Аделль, мужичонка, что чинил барскую дверь, незнакомая, но жаждущая перемен женщина и двое грязно одетых мужчин. И это всё?

— Но так не бывает! — Изумленно смотрю на тех трёх калек, что стоят передо мной. — Замок огромен! Ему требуется уход! Почему так мало прислуги?

— Так барон всех распустил, — слышу за спиной Бенедикта. — Чтобы избежать лишних трат. Оставил лишь тех, в ком нуждался сам.

От его слов волна гнева проходит по телу. Больше всего на свете ненавижу барона. Хочется достать его из-под земли и повторно прибить...

Я уже даже начала представлять, как бы свершила своё правосудие, но... задумалась.

Вот уже несколько лет барон экономил практически на всём. Лишней монеты никому не давал. Даже в казну перестал платить! Тогда на что он спускал все свои деньги?

Медленно оборачиваюсь и впиваюсь глазами в лицо управляющего.

Неужели Бенедикт что-то скрывает? Или он намеренно прикрывает грешки своего господина?

Глава 24

Подавляю в себе порыв прямо сейчас переговорить с Бенедиктом. Не хочу действовать сгоряча. Для начала нужно привести мысли в порядок. Мне сейчас как никогда нужна холодная голова и здравая рассудительность. К тому же, боюсь, что при свидетелях управляющий продолжит юлить и отнекиваться. Решаю перенести разговор и продолжить его, как только мы останемся с камердинером наедине.

Оставляю Бенедикта в покое и возвращаюсь к прислуге.

Придирчиво прохожусь по ним взглядом и отмечаю - эти бездельники не привыкли так рано вставать.

Надеюсь слуги быстро привыкнут к новому режиму дня. Ведь помимо раннего подъёма, их ожидает много работы... Очень много.

Ощущаю себя воспитателем, которому придётся перевоспитывать собственных слуг. Но по-другому никак. Была б моя воля, прогнала бы их всех, но за неимением денег придётся работать с кем есть.

Похоже мысли мои были написаны у меня на лице, либо повариха оказалась самой смыслёной.

— Возможно, леди Катарина желает отзавтракать?

Вкрадчиво произносит она и украдкой косится в сторону выхода.

Завтрак? А это мысль. Да и Софи пора покормить. Голод и стресс не лучшие спутники для кормящей матери. Стыдно признаться, но меня до сих пор не отпускает страх, что из-за переживаний или недоедания, я могу потерять молоко и придётся искать кормилицу.

Бррр... Мороз по коже, как вспомню ту женщину, что выбрал барон.

— Подай завтрак мне в комнату.

Благодушно киваю Адель.

— Я мигом. — Женщина, несмотря на своё грузное тело, прытко устремляется к выходу.

— И душицы! Душицы с пустырником вам заварю!

Громко добавляет она на бегу.

Душица, так душица. Пожимаю плечами. Успокаивающие травы мне сейчас не помешают.

Мой завтрак — это не повод для остальных отлынивать от работ. Поэтому перед тем как подняться к себе в покои, раздаю указания.

— Мари? Жакотт?

Девушки дружно выступают вперёд.

— Берёте по ведру с водой, добавляете в него по большому куску мыла и до блеска отмываете мою комнату. Затем уборная. Хотите вы того или нет, но вы должны избавиться от той вони, что вынуждает меня как можно реже посещать это зловонное место. После — обеденная. Желаю принимать пищу в отведённом для этого месте. Этот завтрак станет последним, что подадут мне в покои. Вам всё ясно?

Служанки исподлобья переглядываются, кивают и уносятся вслед за Адель.

Поразительное растопорство сегодня у них! Ещё бы так скоро работу свою выполняли.

— Ты... — подхожу ближе к пока неизвестной мне женщине. — Какие обязанности ты выполняешь в замке?

Женщина переминается с ноги на ногу, нервно теребит край фартука и украдкой поглядывает на Бенедикта.

— Так я это... — она задумчиво хмурит лоб, словно забыв, зачем вообще она здесь. — Ну я это...

— Ну же, решительней, — говорю с напущенной мягкостью. — Ведь вы просто жаждали перемен. Так отчего же сейчас обомлели?

Лицо женщины покрывается красными пятнами, на лбу выступают крупные капли от пота. Наверное дошло наконец, что баронесса стала невольной свидетельницей их с Жакотт разговора.

Я же просто жажду услышать её. Но она лишь тревожно сопит и упрямо молчит.

— Аглайка это, — слышу у себя за спиной. — Местная прачка. Она...

Одним движением руки заставляю Бенедикта молчать.

— Так это вы устраиваете стирку прямо под окнами? Разве в замке нет прачечной?

— Есть, госпожа, — вновь отвечает за неё управляющий.

— Бенедикт! — Бросаю через плечо. — Ещё слово и ты станешь прачкой, а эта немногословная особа займёт твоё место!

За спиной раздаётся булькающий звук, как будто кто-то прочистил горло, затем тишина.

— В замке есть прачечная? — Продолжаю наседать на Аглаю.

— Да, госпожа, — едва слышно отвечает она. — Желаете посмотреть?

— О-о-о, я обязательно посмотрю, — зловеще тяну. — Я загляну в каждый уголок этого замка. И не дай бог мне хоть что-то не понравится... Накажу! Всех велю выпороть! И если я ещё хоть раз замечу, что стирка происходит не в прачечной, то ты, Аглая, первой распробуешь гибкость кнута.

Прачка заметно съёживается от моих слов, но набирается храбрости и начинает причитывать.

— Так воду, госпожа. Воду-то приходится с колодца таскать. Тяжко. Мне бы сподмог кто...

— Ты... — указываю пальцем на мужичонка с козлиной бородкой. — Чем занимаешься ты?

— Я-то? — Он выпучивает глаза на меня. — Так починить, подлатать, забить или сломать - это всё я.

Ух, какой занятой человек...

— С этого дня станешь ещё ей помогать. — Указываю на прачку. — А ежели занят будешь, то и сама не развалится. А сейчас, брысь за работу! Нечего мне здесь языками чесать.

Прачку и козлобородовича вмиг словно ветром сдувает.

В холле остаются лишь Бенедикт и двое рослых мужчин.

Управляющего я оставляю на сладкое. Подхожу к слугам и замираю напротив них.

В нос ударяет запах навоза и пота. Нетрудно догадаться кем работают эти мужчины.

— Вы, я так понимаю, за скотиной ухаживаете?

— Конюх я, госпожа. — Слегка кланяется один из мужчин. — Томас.

— А я за птицей да за рогатым скотом смотрю. - представляется другой. — Зовут меня Ральф.

— Неужто у нас и скотина имеется? И лошади есть?

Признаюсь, удивлена.

— А как же госпожа, пусть и немного, но есть. - улыбается Ральф.

— А жеребцы наши и вовсе особенные, — с гордостью добавляет конюший. — Наш почивший барон всю душу в них вкладывал! Почти всех распродал, а их пожалел.

Вот значит как. Значит барон любил лошадей? Хммм... Оказывается, барону было знакомо чувство — любовь? Неожиданно.

— Прекрасно! Жду вас обоих после ужина в малой гостиной. Хочу знать сколько скотины имеется. А сейчас ступайте, займитесь делами.

Говорю и тут же теряю интерес к слугам. Поворачиваюсь к управляющему и с милой улыбкой на губах, добавляю:

— А вас, мой милый Бенедикт, я желаю увидеть уже после завтрака! И подготовьте все ваши учётные записи. Я желаю ознакомиться с ними.

Глава 25

Вернувшись в покои, обнаруживаю, что завтрак ждёт меня уже на столе. На подносе стоит обещанный кувшин с травами, лежат два кусочка чёрного хлеба, намазанных едва заметным слоем сливочного масла. Рядом с хлебом — несколько пластинок твёрдого сыра, а чуть в стороне стоит миска с кашей, ячменной.

На вид - вполне себе ничего. Да, без излишеств. Да, экономно. Но, надеюсь, это временная мера и вскоре мы начнём нормально питаться. Главное, расколоть Бенедикта. Но как?

Пока София спит, поглощаю свой завтрак. В этот раз повариха не подвела. Пусть Адель и продолжает экономить на всём, но, по крайней мере, еда стала вкусной. Сначала съедаю кашу, затем укладываю сыр поверх хлеба - получается вполне себе приличный бутерброд. Откусываю по небольшому кусочку и запиваю ароматным отваром из трав.

Вкуснооо...

Пока ем, обдумываю план, как же обхитрить Бенедикта. Нутром чую, ему есть что сказать.

— Агнесска? — Зову повитуху.

Женщина в это время, по моей просьбе, освобождает комод от вещей барона. И делает она это с такой охотой, что становится сразу понятно - она, так же как я, ни капли не горюет о почившем хозяине.

— Что-то изволите, леди Катарина?

Агнесска бросает на пол очередной сюртук и поворачивается ко мне.

— Агнесска, ты же местная. Может знаешь что о Бенедикте? Кто он? Откуда приехал? Как вообще появился в замке? — Отставляю поднос в сторону и присаживаюсь на кровать. — Он так отличается от обычных слуг. Весь такой... Такой... Благородный что ли.

— Ох, госпожа. — Повитуха усаживается на сундук и устало вздыхает. — Чего не знаю, того не знаю.

Она разводит руками.

Странно... Баронство — это ведь как небольшая деревня. Здесь все всё про всех должны знать.

— Ну может слухи какие слышала? — С надеждой спрашиваю её. — Обо мне же судачили. Может и об управляющем что говорили?

Агнесска задумывается на пару минут, после осеняет себя крестом.

— Брат мой, покойный, — глухо начинает она, а я обращаюсь в слух, — он раньше в замке служил. Ну так вот, он поговаривал, что наш барон совсем умом тронулся. Взял к себе в услужение какого-то благородного, чуть ли не старого друга... А вот об управляющем он говорил, али нет, не скажу. Зря трепать не хочу. Да и попусту теперь о том говорить. Зачем вам это, госпожа? Неужто обидел чем вас Бенедикт?

— Нет, что ты! — Спешу успокоить её. — Просто другой он. Не такие как вы.

Агнесска согласно кивает и вновь принимается выкидывать вещи барона. Достав из комода очередной богато расшитый камзол, она замирает. Взгляд её оценивающе скользит по наряду.

— Моя госпожа, а может не нужно выкидывать? Жалко ведь. Такое расточительство. — Она осуждающе качает головой. — Это же целое состояние, а мы его крысам на мусорку.

Понимаю, что зерно здравого смысла присутствует в её словах, но что делать со всем этим богатством не представляю.

— А что ты предлагаешь, Агнесска?

— Так может на рынок снесём? Глядишь, продадим. Хоть какую-то копеечку выручим. От её слов хочется плакать.

Представляю эту картину: я за прилавком, а на груди у меня висит табличка "Баронесса распродаёт имущество". А всё её имущество — это вещи барона.

— Нет. Не вариант, — тут же, на корню, обрубаю её идею. — Только подумай, что скажут люди? Да и откуда у крестьян деньги? Им бы кусок хлеба купить, а не роскошный камзол с барского плеча.

— И то правда. — Агнесска вздыхает и бросив сюртук в общую кучу тряпья, начинает вновь копаться в недрах комода.

Заметив, как сильно повитуха расстроилась, решаю повременить и пока не выбрасывать одежду супруга. А вдруг и вправду сгодятся?

— Агнесска, а ты не выкидывай. Вынеси из комнаты и приberi. Возможно ты права, и эти вещи ещё сослужат нам хорошую службу.

Повитуха довольно фыркает и начинает с удвоенным рвением освобождать мой комод.

Я же погружаюсь в раздумья. Хочу как можно скорее переговорить с Бенедиктом. Уверена, что брат Агнесски говорил о моём управляющем.

Когда я впервые его увидела, тоже приняла мужчину за благородного.

Но из-за чего? По какой причине он пошёл в услужение к своему старому другу? Пал в немилость короля? Разорился и остался без средств к существованию? Или ещё что-то? Что сподвигло его стать простым управляющим?

Столько вопросов, ответы на которые знает лишь Бенедикт. Но станет ли он со мной говорить? Станет ли открывать свою душу? Скорее нет, чем да.

Хорошо, что я не отпустила его. Этот мужчина, ещё та тёмная лошадка, которую, надеюсь, я смогу разгадать.

Со стороны колыбели раздаётся жалобный писк, и я тут же забываю про Бенедикта.

Моя дочка проснулась. Родная моя. Такая сладкая и судя по крику голодная.

Беру дочь на руки и прикладываю к груди. Смотрю на неё, пытаюсь запечатлеть в памяти каждую чёрточку её крохотного лица. Мне так не хочется расставаться с ней, но я понимаю, что по-другому нельзя. В ближайшее время я буду поглощена другими заботами: отчёты, сверки, а ещё это золото.

Похоже, с дочерью мне придётся видаться только во время кормления.

Когда София наедается и вновь засыпает, отдаю её повитухе.

Пора. Дела не ждут.

Поправляю платье и направляюсь к двери. Уверена, впереди у меня трудный день. Но кто сказал, что будет легко? Я самолично ввязалась в эту авантюру. Отходных путей нет. Значит, придётся грызть землю, но найти это золото.

На лестнице встречаю Мари и Жакотт. В руках девушки держат по полному ведру мыльной воды. Увидев меня, они нерешительно замирают и опускают головы вниз.

— Идите уже! — Отхожу чуть в сторону, освобождая им путь. — И чтобы ни пылинки, ни мусоринки к моему возвращению не было!

Глава 26

Бенедикт ждёт меня в холле. В его руках несколько толстых книг, при виде которых меня бросает в жар. Это ж сколько времени нужно потратить, чтобы с особой скрупелёзностью изучить каждую из них.

Много. Очень много. Но попробовать стоит.

Проходим в обеденную, где я усаживаюсь на стул и начинаю нервно стучать пальцами по столу. Управляющий поспешно раскладывает передо мной свои книги.

Беру ту, что Бенедикт пододвигает ближе ко мне. Открываю и начинаю вникать.

3 августа 1763

Собрано податей — 23 золотых

Доход от продаж — 56 золотых

Общее — 79 золотых переданы барону Осборну.

Выдано на содержание замка — 10 золотых

Потрачено — 9 золотых и 36 серебряных

Далее следовал подробный список на что были снущены господские деньги...

Остаток монет передан господину Генриху Осборну лично в руки.

3 сентября 1763

Собрано податей — 18 золотых

Доход от продаж — 60 золотых и 20 серебряных...

Все эти записи повторялись по кругу. Бенедикт с особой тщательностью описывал каждую трату, каждую монетку упоминал, что возвращалась барону.

Пролистав практически половину книги, понимаю, что зря трачу время. В этих книгах лишь записи о тратах самого Бенедикта, а вот о том куда барон девал основную сумму денег — ни слова.

Закрываю книгу и убираю её в сторону.

— Бенедикт, подай мне отчёт, что был сделан за последний год.

Управляющий не раздумывая подаёт мне книгу, которая лежит самой последней. Вижу, он уверен в себе, действует без колебаний.

Пролистываю пару страниц и разочарованно закрываю её. Здесь всё то же самое. Только вот суммы доходов заметно уменьшились, ну а расходы и вовсе упали.

Больше не приходится сомневаться в честности Бенедикта. Он всё делал правильно. Лишнего не брал, а что оставалось — возвращалось барону.

А вот куда мой супруг спускал деньги — это уже отдельный вопрос.

Возможно, барон вёл свои учётные записи? Интересуюсь этим у Бенедикта.

— Смею предположить, что вся документация господина хранится у него в кабинете.

Его ответ заставляет меня вскочить со стула и недовольно притопнуть ногой.

— Ну а чего раньше молчал? Веди!

По пути в кабинет пытаюсь разговорить управляющего. Безрезультатно. На все свои вопросы получаю лишь уклончивые ответы.

Невооруженным глазом заметно: моё любопытство вызывает в мужчине одно раздражение.

Не сдаюсь и решаю довести начатое до конца. Задаю вопрос в лоб.

— Кто вы, Бенедикт?

На что получаю ответный удар.

— Не считите за дерзость, но я бы тоже хотел узнать —кто ВЫ, баронесса Осборн?

Его слова вызывают во мне волну паники. Я сбиваюсь с размеренного шага, путаюсь в подоле собственного платья и едва ли не падаю. Благо мой управляющий обладает отменной реакцией. Он вовремя подхватывает меня за локоть и не даёт мне упасть.

Чувствую себя вором, укравшим чужую жизнь. Вором, который находится на грани разоблачения.

От волнения в горле пересыхает, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

Неужели попалась?

Да не-е-ет... Быть такого не может. Если только Бенедикту уже доводилось встречать попаданок. Но даже если и так, у него нет доказательств, что тело умершей баронессы заняла новая я.

Склоняюсь, чтобы скрыть румянец на щёках, и с преувеличенной тщательностью расправляю складки на платье. Сама в это время стараюсь взять себя в руки. Бенедикт не должен заметить на моём лице ни капли испуга. Иначе... Иначе провал.

— О чём вы, Бенедикт? — Поднимаюсь и... *вуаля*— беззаботная улыбка играет у меня на губах.

— За последние дни вы так изменились. Из запуганной серой мыши превратились в хищную рысь. Возможно слуги поверили в вашу потерю памяти, и именно этим оправдывают ваше непривычное поведение. Но я... Я — не они. Я не верю, что за несколько дней человек может так кардинально поменяться. В вас скрыто что-то другое. Что-то чуждое, но что? Я пока не в силах этого понять... Пока не в силах.

Допрыгалась? Докомандывалась? Можно было сразу понять, что такие разительные перемены в поведении баронессы не останутся незамеченными.

— Вы смеете угрожать мне Бенедикт? — Добавляю в голос побольше ледяных ноток, чтобы не забывал с кем говорит. — Мне? Баронессе Осборн!? Своей госпоже?

— Ну что вы, леди Катарина. Разве я могу? Где вы и где я!

— Вот и не забывайся! — Нервы всё так сдали и я, сама того не замечая, начинаю срываться на крик. — Впредь думай прежде чем говорить!

— Как прикажете, моя госпожа, — управляющий резко меняет траекторию нашего пути и останавливается возле закрытой двери. — За этой дверью находится кабинет вашего мужа. Разрешите открыть?

Киваю.

Наблюдаю за тем, как Бенедикт достаёт из кармана штанов увесистое кольцо, унизанное разнообразными дверными ключами. Дожидаюсь, пока он откроет дверь, затемставляю руку вперёд и холодно произношу:

— Дайте мне ключ.

Мужчина послушно снимает с кольца один из ключей и кладёт мне его на ладонь.

— А сейчас уходите. Я хочу остаться одна. Если понадобится, я позову вас.

— Да, госпожа. — Бенедикт не противится, а берёт и просто уходит.

Взглядом провожаю мужчину.

В голове набатом звучит "Он практически догадался. Нужно как можно быстрее избавиться от него".

Решаю, что пара дней ничего не решат, а уж после я без сожаления распрощаюсь с этим Шерлоком Холмсом.

Ну а сейчас пора разобраться, что же скрывал от меня муженек. Я намеренно отослала от себя Бенедикта. Хочу остаться наедине. Это нужно мне для того, чтобы как следует обыскать кабинет барона.

Возможно, именно в этом месте скрыто моё спасение...

Глава 27

Толкаю дверь от себя и захожу в кабинет.

Солнечный свет бьёт по глазам, заставляет прищуриться.

Часто моргая от непривычно яркого света, начинаю осматриваться.

Кабинет небольшой, но уютный. Два панорамных окна в пол пропускают через себя много дневного света, что так непривычно для вечного сумрака замка.

Напротив окон стоит массивный лакированный стол на двух тумбах; столешница его покрыта зелёным сукном. За столом - старинное кресло - трон.

Стол украшают две большие свечи и лежат несколько книг. На краю громоздится стопка бумаг, а рядом с ней чернильница с гусиным пером.

Мебели в кабинете немного - узкий шкаф с книгами, комод с полками, на которых в хаотичном порядке расставлена различная утварь, а также неизменная атрибутика этого времени - пара огромных сундуков возле стены. Как по мне, так на этих громадинах можно рассадить кучу гостей, что, скорее всего, барон и делал, ведь табуретов или на худой конец лавок я здесь не увидела. На этом всё. Ничего вычурного или изысканного

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.